82,3А5
Х29

Р. А. ХАШБА

АБХАЗСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

СУХУМИ
1980

*82.1 З Аб
Х 29

Р. А. ХАШБА

АБХАЗСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Издательство «Алашара»
Сухуми — 1980

БИБЛИОТЕКА

8СФ(Абх)
Х29

Рекомендована Отделом литературы и фольклора Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР.

Рецензенты
кандидаты филол. наук **А. А. Аншба** и **С. Л. Зухба**

ХАШБА Р. А. Абхазский детский фольклор, изд-во «Алашара», Сухуми, 1980 г.

Настоящая работа — первый опыт изучения детского устного творчества абхазов. Автор главным образом анализирует фольклор, созданный взрослыми для детей и собственно самими детьми, пытается выяснить социально бытовую основу, на которой выросла детская устная народная поэзия.

В работе использован на языке оригинала материал из детского фольклора абазин, адыгов, грузин, русских.

Анализируемый материал представляет в значительной степени собственные записи автора.

Работа рассчитана на специалистов-фольклористов и широкий круг читателей.

Х $\frac{38100\text{-}092}{\text{М-}623(06)\text{-}80}$ 80

© **Издательство «Алашара», 1980**

ВВЕДЕНИЕ

Устное народное творчество сопутствует человеку всю жизнь. Любое, даже самое первое осознанное движение ребенка сопровождается приговорками прибаутками, короткими песенками, многочисленными колыбельными песнями, которые исполняются для него взрослыми. Все они преследуют определенную воспитательную цель, направлены на физическое и эстетическое развитие ребенка. В более старшем возврасте, с двух и более лет, дети сами начинают творить и, по свидетельству замечательного детского писателя и знатока детской психологии, фольклора и быта Корнея Чуковского, являются создателями настоящих шедевров детского фольклора[1].

Однако детский фольклор еще недостаточно изученная область фольклористики. В России, например, интерес к детскому фольклору пробудился лишь в начале XX века[2]. Исследование и систематизация материалов началась уже в советское время.

Важное значение в научной разработке вопросов детского фольклора имеют работы Г. С. Виноградова, который является не только исследователем-теоретиком, но и большим знатоком детского быта. В этом и заключается ценность его трудов[3].

Ряд ценных, не утративших и теперь своей научной актуальности работ, издала О. И. Капица. В своем основательном исследовании «Детский фольклор» (Ленинград, «Прибой», 1928) она пишет: «Изучение детского фольклора и быта должно занять место не только в этнографии, но и для педагога и педагога-практика эта область громадного значения. Детский фольклор один из путей, который подводит нас к познанию ребенка»[4].

---

[1] К. И. Чуковский. Маленькие дети. Ленинград, 1929.

[2] П. В. Шейн. Великоросс в своих песнях и обрядах. С.Пб., 1900.

[3] Г. С. Виноградов. К изучению народных детских игр у бурят, Иркутск, 1922; Детский народный календарь. Сибирская живая старина, 1924, в. II; Детская сатирическая лирика, там же, 1925, в. II; Детский фольклор и быт. Иркутск, 1925.

[4] О. И. Капица. Детский фольклор. Л., 1928, с. 3.

О. И. Капица считает, что детский фольклор является «неиссякаемым источником для детской книжки и для работы с детьми в разных направлениях»[5]. Она убеждена, что и изучение детской литературы должно начаться с изучения детского фольклора.

В 1927 году по инициативе О. И. Капицы при Государственном Русском географическом обществе была учреждена Комиссия по детскому фольклору, быту и языку. О. И. Капица совместно со студентами Государственного педагогического института им. А. И. Герцена вела работу по собиранию и систематизации материалов детского фольклора всех народностей, живущих на территории Советского Союза. Предполагалась и частично была осуществлена работа по библиографии отечественной и зарубежной литературы по вопросам детского фольклора. Членами комиссии была начата исследовательская работа. В 1930 году вышел первый сборник «Детский быт и фольклор». К сожалению, на этом работа комиссии оборвалась.

Большой интерес представляет работа известного детского писателя Корнея Чуковского «Маленькие дети» (Ленинград, 1929). В ней он с удивительной чуткостью, знанием детской психологии и детского быта анализирует, и не только анализирует, а прослеживает сам процесс детского творчества. С любовью и знанием тонкостей детской психики, присущей лишь матерям и некоторым старым няням и бабушкам, прослеживает он колоритный, экспрессивный, богатый всякими неожиданностями детский язык.

«Наши дети для нас незнакомцы. Мы видим их урывками, на бегу, на лету. Словно в сумасшедшем трамвае, мы проносимся мимо дней в вихре всяких дел и хлопот. Хотя немного приостановить сумасшедший трамвай — задача этой незатейливой книжки»[6]. Об этом писал он в 1929 году, но, к сожалению, то же самое в отношении изучения детской психики и быта мы можем сказать и сейчас.

В 1957 году выходит работа В. П. Аникина «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» (Москва, 1957), в которой он суммирует все, что проделано в этом направлении в нашей стране в дореволюционный и послереволюционный периоды.

[5] О. И. Капица. Указ. раб., с. 4.
[6] К. Чуковский. Указ. раб., с. 1.

В Грузии с изучением грузинского детского фольклора тесно связано имя доктора филологических наук К. Сихарулидзе. В 1938 году была издана ее книга «Грузинский детский фольклор» (Материалы)[7], в предисловии к которой К. А. Сихарулидзе пишет об огромном значении собирания и изучения детского фольклора о том, что детский фольклор является неисчерпаемым источником изучения детской психики, детских запросов. Книга К. Сихарулидзе содержит в себе ценнейшие материалы, которые можно использовать при изучении вопросов детского фольклора и других братских республик, в частности абхазского детского фольклора.

В данное время вопросами грузинского детского фольклора успешно занимается кандидат филологических наук П. З. Зандукели («Фольклор и грузинские писатели», 1974, «Вопросы грузинского детского фольклора», 1977).

В 1965 году вышел сборник колыбельных песен «Иавнана». В 1972 году издан сборник «Народное творчество», в который вошли детские стихи, игры, пословицы, сказки и сборник «Красный мак» („ყაყაჩო“) с аналогичным материалом; большое место отведено детскому фольклору (более 300 текстов, варианты и примечания) в многотомном издании «Грузинское народное творчество» (1979).

Много внимания уделяется собиранию детского фольклора на Северном Кавказе у народов абхазско-адыгейской группы — адыгов, кабардин и черкесов. Так, в 1968 году выходит сборник «Сказка, сказка, сказочка» (составитель В. Б. Тугов); в 1960 — «Инна-Муко», в 1966 — «Хугома» (составитель З. М. Налоева); в 1965 — сборник «Солнышко, солнышко, выгляни!» (составители Н. Сакиев и Л. Бекизова); в 1969 — сборник «Гуси-лебеди» (составители Л. А. Бекизова и М. И. Мижаев).

В 60—70-х годах почти во всех республиках Советского Союза начинают уделять большое внимание собиранию и изучению детского фольклора. Одна за другой выходят книги «Таджикская детская народная поэзия» Б. Шермухамедова (Душанбе, 1967), «Мордовский дет-

[7] К. А. Сихарулидзе. Грузинский детский фольклор. Тбилиси, 1938 (на груз. языке).

ский фольклор» Э. Н. Таракиной (Саранск, 1971), «Фольклор и грузинские детские писатели» (Тбилиси, 1974), уже упоминавшиеся «Вопросы грузинского детского фольклора» П. З. Зандукели (Тбилиси, 1977), статья М. И. Мижаева «Детский песенный фольклор адыгов» (КЧНИИ. Труды, выпуск VII. Черкесск, 1973) и др. Однако нельзя не отметить, что детскому фольклору уделяется еще далеко недостаточное внимание. Между тем более пристальное изучение этого вопроса содействовало бы разрешению многих проблем как в области современной педагогики, так и детской художественной литературы.

Абхазский детский фольклор никем специально не собирался и не изучался, однако материалы по детскому фольклору встречаются в опубликованных сборниках по устному народному творчеству[8].

В последнее время фольклорист Ш. Х. Салакая в составленной им хрестоматии по абхазскому народному поэтическому творчеству выделяет раздел по детскому фольклору в сопровождении небольшой аннотации[9].

Абхазский детский фольклор интересен не только как оригинальный памятник устно-поэтического творчества: он содержит богатый материал по народной педагогике, психологии детского возраста, детского творчества, истории и этнографии абхазов. Детский фольклор представляет немалый интерес и для языковедов как наиболее древняя форма народного словесного творчества.

То, что абхазский детский фольклор до сих пор не привлек внимания фольклористов, является досадным упущением, так как многие шедевры этого вида народного творчества навсегда утеряны, а то, что еще живо в народе, приходится собирать буквально по крохам.

Собранный нами материал, позволяет хотя бы обзорно исследовать отдельные виды абхазского детского фольклора и в какой-то мере систематизировать то, что имеется в наличии.

---

[8] Абхазская народная поэзия. Составители Д. И. Гулиа и Х. С. Бгажба. Сухуми, 1941, изд. II; 1972 (на абх. яз.); Абхазская народная поэзия. Составил Б. В. Шинкуба, Сухуми, 1959, с. 278—285 (на абх. яз.).

[9] Абхазское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. Составление, предисловие, примечания Ш. Х. Салакая. Тбилиси—Сухуми, 1975.

Детский фольклор по Г. Виноградову делится на две составные части. Первая — литература для детей, созданная народом для их воспитания. Сюда входят творения матерей, нянь, бабушек и т. д., то есть устное творчество лиц, непосредственно связанных с детьми, с их воспитанием. Вторая — устное творчество самих детей. Он считает, что понятие «детский фольклор» заключает в себе **лишь творчество детей,** а литературу для детей, т. е. устное творчество, созданное взрослыми для воспитания детей, он называет «материнской поэзией» или «поэзией пестования» и не включает в детский фольклор[10].

О. И. Капица объединяет обе части. «Таким образом, — пишет она, — под детским фольклором мы понимаем как творчество взрослых для детей, так и детское традиционное творчество»[11].

М. Рыбникова, автор ряда исследований по детскому фольклору, также считает, что «детским фольклором нужно считать и то, чем дети потешают друг друга, и то, что рассказывают и поют детям матери, няни, бабушки: колыбельные песни, «потягушечки», «сказки»[12].

Собиратель и исследователь грузинского детского фольклора К. Сихарулидзе придерживается того же мнения, что и Капица[13].

Исследователи детского фольклора отмечают также, что в детский фольклор вошло и органически слилось с ним много произведений из взрослого репертуара. Из многочисленных песен и прибауток, которые слышали дети от взрослых, запомнилось и передавалось из поколения в поколение только то, что отвечало органическим запросам детей. Получился естественный отбор — выжило то, что по форме и содержанию приспособлено к пониманию, интересам и вкусам малолеток.

Таким образом, как утверждает большинство крупнейших исследователей, под детским фольклором мы должны понимать как творчество самих детей, так и творчество взрослых для детей («материнская поэзия»),

---

[10] Г. Виноградов. Народная педагогика, Иркутск, 1926, с. 29.

[11] О. И. Капица. Указ. раб., с. 5.

[12] М. Рыбников. Детский фольклор и детская литература.— «Литературный критик», 1935, № 1, с. 155.

[13] К. А. Сихарулидзе. Указ. раб., с. 3.

а также произведения, заимствованные детьми из репертуара взрослых и отвечающие органическим запросам-детей.

Собранный нами материал позволил произвести следующую классификацию абхазского детского фольклора:

I. **Материнская поэзия**, т. е. творчество взрослых, специально предназначенное для детей: а) колыбельные песни; б) пестушки; в) потешки (игры с пальцами и т. д.); г) забавки, прибаутки; д) скороговорки; е) загадки; ж) небылицы.

II. **Творчество детей.** Это собственно детский фольклор, т. е. произведения, созданные самими детьми. Сюда вошли: считалки и жеребьевки, детская сатирическая лирика, т. е. дразнилки, поддевки, частоговорки, задачи, озадачивающие замечания и т. д.

III. **Произведения, вошедшие в детский фольклор из взрослого репертуара.** Эту группу мы считаем наиболее сложной, так как сюда вошли произведения устного народного творчества самых различных жанров:

а) из обрядовой поэзии;

б) песни-обращения, связанные с заклинаниями, с магией;

в) заговоры (атәхәакуа), перешедшие в детский репертуар и превратившиеся, по определению Г. Виноградова, в заговоры-шутки. Нами этот раздел назван «лирикой поверий».

Эта классификация абхазского детского фольклора далеко несовершенна, т. к. провести четкие границы не только между отдельными группами, но и между творчеством детей и творчеством взрослых бывает чрезвычайно трудно, тем более при теперешнем состоянии изученности данного вопроса.

При собирании материалов, классификации и исследовании абхазского фольклора мы руководствовались работами, посвященными проблемам русского, грузинского, адыгского детского фольклора, т. к. детский фольклор этих народов относительно лучше изучен. Одновременно мы искали и находили русские, грузинские, мегрельские, черкесские, абазинские параллели к отдельным жанрам абхазского детского фольклора. При этом, конечно, учитывались национальные особенности, т. к. они обусловливают специфику того или иного жанра детского фольклора.

ГЛАВА I

МАТЕРИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

В материнскую поэзию входят произведения устного народного творчества, специально созданные взрослыми для детей. Эта часть детского фольклора наиболее близка к народной педагогике. Материнская поэзия развивалась в непосредственной связи с ней, т. к. забота об умственном, нравственном и физическом воспитании подрастающего поколения искони была свойственна народным трудовым массам.

Абхазская народная педагогика является неисчерпаемой сокровищницей мудрых канонов о воспитании подрастающего поколения.

В народе рассказывают, что жила некогда женщина и был у нее грудной ребенок. Единственной заботой этой женщины по отношению к ребенку было его кормление — она входила к нему в день несколько раз только для того, чтобы покормить его. При ее входе скрипела дверь. И вот когда ребенок подрос, он только и умел, что подражать скрипу этой двери.

В этом незамысловатом рассказе народ осуждает тех родителей, которые в процессе воспитания пекутся лишь о хлебе насущном и забывают о других, не менее важных вопросах воспитания, без которых не может вырасти полноценный член общества.

Материнская поэзия охватывает обширный по своему диапазону материал. Она включает в себя такие жанры, как колыбельные песни, потешки, пестушки, приговорки, забавы, небылицы, сказочки, загадки, скороговорки, игры.

Попытаемся рассмотреть каждый из этих жанров в отдельности.

§ 1. Колыбельные песни

Колыбельные песни сопровождают детей со дня рождения и играют колоссальную роль в их развитии. Они способствуют развитию у совсем еще маленьких детей

слуха, ритма, способствуют общему развитию внимания. Слова колыбельной песни обычно недоступны им по своему содержанию (иногда доступны, но об этом ниже), однако фонетический состав их настолько прост, выразителен, что они хорошо воспринимаются детьми, т. е. привлекают их внимание, заставляют их вслушиваться, что играет большую роль в подготовке детей к усвоению членораздельной речи. Обычно дети уже к 9 месяцам говорят «ма-ма» или «на-на», но прежде чем сказать эти слова сознательно, они уже с пяти-шести месяцев произносят как звукоподражание «ааа-а!», «баа-ба!», «наани!», что на детском языке означает убаюкивание. Эти звуки являются ничем иным, как следствие звукоподражания рефрену колыбельных песен: «шьышь наа-ни, уа наа-ни!» или у русских «баа-ю бай!», «ааа-а!».

Огромную роль играют они в физическом развитии ребенка: успокаивают нервную систему и постепенно, незаметно переносят его из состояния бодрствования в сон.

Некоторые исследователи склонны не причислять колыбельные песни к детскому фольклору, относя их кто в обрядовую поэзию, кто просто в устное творчество взрослых. Это объясняется их чрезвычайным разнообразием как по происхождению, так и по содержанию. Однообразны они лишь по ритмике, соразмерной движению колыбели.

По своему содержанию и назначению абхазские колыбельные песни подразделяются на: песни, обращенные непосредственно к младенцу с пожеланием ему спокойного и скорого сна; с пожеланиями счастливой доли в будущем, красоты, богатырской силы, меткости в стрельбе, удачи в охоте (в зависимости от пола, социальной среды); колыбельные, содержание которых связано с личными переживаниями исполнителя; колыбельные — потешки, юмористического содержания. Они предназначены для детей старшего возраста (полтора-два года), способных понять содержание песни.

Абхазские колыбельные песни, предназначенные для мальчиков, изобилуют деталями из охотничьего быта: меткость в стрельбе, характерные сравнения с фазаном, диким быком и т. д.

Исполнительницами колыбельных песен чаще всего являются женщины: матери, няни, бабушки и старшие

девочки. Обязательным рефреном их является: «Шьышь-наа-ни, уа наа-ни, хуху на-ни, уа наа-ни!». Содержание же их, как уже было сказано выше, самое разнообразное. Желание успокоить ребенка, скорее усыпить его рождало песни такового незамысловатого содержания:

Хуху нани, уа наани,
Шьышь нани, уа наани.
Уан дааҙа умҵәыуан,
Уаб дааҙа умҷыхан.
Шьышь нани, уа наани![14]

Хуху нани, уа наани,
Шьышь нани, уа наани!
Не плачь, пока не придет мать,
Спи, пока не придет отец.

Иногда же у колыбели исполнялась песня и более сложного содержания, причем пела ее не одна няня, а две. Это является отражением обычая аталычества и связанного с ним социального неравенства.

Сущность аталычества состоит в том, что ребенок из привилегированного сословия, вскоре же после его рождения отдавался родителями на воспитание в чужую семью.

Как правило, аталыками выступали крестьянские семьи, и лишь в редких случаях некоторые дворяне воспитывали детей знатных представителей своего класса, дабы обеспечить себе таким образом их покровительство и помощь в условиях феодальной междоусобицы. Однако, когда аталыками выступали князья и дворяне, жены последних почти никогда не кормили воспитанника своей грудью и на необходимый период приводили к себе крестьянских кормилиц «абжьааҙаҩ»[15] (посредниц). Этим объясняется то, что ребенка высокопоставленного лица воспитывали несколько «официальных воспитателей» и нянь, что и отразилось в нижеприводимой колыбельной:

Актәи аҙҙеи:
Уа абри ауҧашәыл дыцәоума?
Аҩбатәи аҙҙеи:
— Дыцәоуп, дыцәоуп!
Актәи аҙҙеи:
— Дыцәоу, дмыцәоу,
сыздырам, аха

Первая воспитательница:
— Спит ли наш ангелочек?
Вторая:
— Спит, спит!
Первая:
— Спит или не спит не знаю, но

[14] Абхазская народная поэзия, 1959, с. 278.
[15] Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы, Сухуми, 1965, с. 480.

Уаа, бнацәа дыцәами,
Спит он лесным (т. е. крепким) сном,

Уаа, бнагу игуми,
Сердце у него лесное (т. е. отважное),

Уаа, абнаеахәыс камиҩаза,
Стройненький олененок,

Аххьа хылҧа, цыҧцәа хамы,
Шапка, шитая золотом, кунья шуба.

Ала алырҟьан аҩа зшьыз,
Не успела собака взять след, как он уже убил самку оленя.

Хахьоуҧашәыл хазкухшаша,
Ангелочек наш, да будем мы его жертвами,

Уа абри арҧыс иакузами!?[16]
Разве это не тот парень?

Эта колыбельная относится к тому времени, когда охота являлась одним из основных средств существования и определяла весь быт общества. В ней говорится о желаемых качествах будущего охотника.

В первой части другой колыбельной песни ребенку желают спокойного сна:

Хуху нани, уа наани,
Шиши наани, уа нани! — рефрен
Не плачь, пока не вернется твоя мать,
Не просыпайся, пока не вернется твой отец.
Шиши наани, уа наани,
Хуху наани, уа наани. — рефрен

Вторая же часть этой колыбельной несколько своеобразна. Прямой перевод ее содержит в себе описание сна лесного быка и описание блестящего переливающегося оперения фазана вне прямой связи с ребенком:

Рабнацәа дыцәоуп,
Лесной бык спит,

рабнагу игууп.
у него лесное сердце,

Разынкуты ҧсары-ҧсары
серебряная курица блестит,

рабнакуты бзары-бзары[17].
фазан переливается оперением.

Своеобразность формы художественных образов наталкивает на мысль, что вторая часть этой колыбельной носит на себе элементы заговора. Вполне возможно, что заговоры исполнялись и над колыбелью ребенка, и с

[16] Абхазская народная поэзия, 1959, с. 279.
[17] Там же, с. 279.

целью избавления от страшных тогда детских болезней, и с профилактической целью. В данном случае с целью перенесения качеств лесного быка (силы) и фазана (красоты) на ребенка.

Интересно в этом отношении высказывание В. П. Аникина: «Колыбельные песни в народе зовут байками. Это название произошло от глагола баять, баить — говорить. Старинное значение этого слова «шептать, заговаривать». Такое название колыбельные песни получили не случайно, самые древние из них имеют прямое отношение к заговорной поэзии. Колыбельные песни позднего времени по традиции сохранили в своей образной системе элементы заговора»[18].

Это явление четко прослеживается и в грузинском детском фольклоре. Например:

ია ვიკრეფ, ვარდს ვიკონამ
ნანა, ნანა, ნანა, ბატონო!
სასთუმალქვეშ ამოკიდებ
ნანა, ნანა, ნანა ბატონო![19]

Соберу тебе фиалки
и букеты роз,
Баю, баю, баюшки-баю.
И повешу у твоего изголовья
баю, баю, баюшки-баю!

Фиалки и розы являются неотъемлемыми компонентами ритуала, посвященного таким детским болезням, как коклюш, корь, оспа. Такого рода болезни в грузинском народе назывались „ბატონები“ (господа). Почтительное обращение адресовалось божеству в чьих руках, по мнению народа, находились эти болезни и должно было умилостивить его. Поэтому „ბატონი“ очень часто является рефреном грузинских колыбельных песен: „ნანა, ნანა, ნანა ბატონო!“ (нана, нана, нана батоно!»).

У абхазов также детские болезни, из боязни разгневать соответствующее божество, назывались почтительными именами: оспа — аҳцәа (господа) — сравните грузинское „ბატონები“. Если в семье была оспа, то хозяева говорили: «аҳцәа ҳазтәоуп» («у нас гостят господа»). Коклюш называли «аимхәа бзиа» (т. е. благородный кашель»), корь — «акуакуаҧшь» («красные пятнышки»). В то же время, у каждой из этих болезней было свое на-

[18] В. П. Аникин. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957, с. 89.
[19] К. А. Сихарулидзе. Указ. раб., с. 32.

звание: корь — абчы, коклюш — аимхәаршәа и т. д. Предполагается, что во время оспы над больным ребенком пели «Песню божеств» («Анцәа рашәа»). По свидетельству престарелой (104 года) жительницы села Звандрипш Гицба Атьи Есламовны, у постели больного оспой исполнялась та же ритуальная песня, что и над пораженным молнией (Анцәа рашәа).

Кроме традиционных колыбельных песен, передающихся из поколения в поколение, у колыбели часты импровизации.

«Колыбельная песнь, — пишет О. И. Капица, — зарождаясь из самых простых прозаических причитаний, в которых выливается осаждающая женщину дума, переходит затем в полупрозаические, полустихотворные рифмованные двустишия»[20].

При собирании полевого материала по детскому фольклору по селам Абхазии, часто приходилось слышать от информаторов: «Мало ли что мы можем петь у люльки. Чем забита голова, то и поем: о своих горестях, думах, заботах, радостях. Бывает, что мать, убитая горем, попросту причитает».

Жительница села Куланурхва (Гудаутский район) Агрба-Гумба Ж. Ш., например, сообщила, что ее третьему ребенку было 9 месяцев, когда у нее умер единственный брат. Так она, сидя у колыбели ребенка, причитала, отдаваясь своему горю. («Акеҩхәа амыткума хәо агар садтәалан»)[21].

Однако, каково бы ни было содержание импровизаций, общим объединяющим их в колыбельные песни является обязательный рефрен «шиши наани, уа наани!»

Бывают импровизации, обращенные непосредственно к ребенку. Одна такая записана мною в селе Ачандара со слов столетней Хагба Дзыркуй Сейдыковны:

Шьышь наани, уа наани!	Шиши наани, уа наани,
Уан дааиза умцәыуан.	Не плачь, дождись матери.
Уан даар крыуҷалцап,	Она придет, покормит (тебя)
Шьышь наани, уа наани,	Шиши наани, уа наани,

[20] О. И. Капица. Указ. раб., с. 34.

[21] Записано со слов Х. Ш. Агрба, 60 лет, с. Куланурхва Гудаутского района, 10.X.72 г.

Сылашара сычкун таата,	Мой маленький,
Уара убзиоуп, уа наани![22]	Свет очей моих, мальчик мой,
	Ты хорошенький, уа наани!

«Колыбельные песни, — как отмечает О. И. Капица, — дают богатый материал. Воспроизводя самые разнообразные и тонкие душевные настроения, рисуя черты бытового уклада, они носят отпечаток национального характера их творцов»[23].

Исполнителями колыбельных песен являются не только взрослые. Зачастую в крестьянском быту обязанности няни исполняют дети. Следовательно, и они так же являются носителями этого вида фольклора.

В селе Киндги Чакватадзе Лолиа сообщила нам, что и они в детстве пели колыбельные песни, укачивая малышей. Пели и во время игр у игрушечных люлек, которые делали своими руками: связывали две кукурузные кочерыжки, над ними параллельно сгибали тонкий прутик и укрепляли по концам. Получалась люлька. Ее качали и пели:

Уцәа, нана, уцәа,	Спи, нана, спи,
Уани уаби ыҡазам.	Отца с матерью нет дома,
Иааир уркуабап,	Придут, выкупают (тебя),
Хышла қашьла удырчап,	Накормят кашей и молоком,
Ахылҧарч ду ухарҧап![24]	Наденут тебе на голову
	Большую папаху!

Колыбельные песни в основном относятся к первому периоду «колыбельной жизни» ребенка. Однако и во втором периоде «колыбельной жизни» эти песни имеют большое применение, но тогда они в моменты бодрствования ребенка перемежаются с «потешками», т. е. небольшими стихотворными произведениями, исполнение которых имеет целью возбуждение или поддержание у ребенка радостных эмоций.

Дзыркуй Хагба спела песню, в которой слова колы-

[22] Записано со слов Дзыркуй Сейдыковны Хагба, 100 лет, с. Ачандара Гудаутского района, 18.VII.73 г.

[23] О. И. Капица. Указ. раб., с. 36.

[24] Записано со слов Лолии Чакватадзе, 66 лет, с. Киндги, Очамчирского района, 10.VII.73 г.

бельной перемеживались со словами общеизвестной у нас потешки «Ци-ци куа-куа»:

Ци-ци, куа-куа,
Махари цьацьа,
Шьышь наани, уа нани,
Уан даанза умцэыуан,
Уа ахтны калам ала
Уа наани, уа нани.

Ци-ци, ква-ква,
Махар и джаджа,
Не плачь пока не придет мать,
Мать придет накормит (первые
три строчки не переводятся).

Думается, что и следующая потешка относится к колыбельным-потешкам:

Леп-лен, нани, нани шьыри,
Шыбла-шыбла хутаата.
Маамса кырычы, ацьмахьча Титу,
Титу-ицьа Цьаныкуа, о ахтнышьап
Асарыкуа ҕара-ҕара, анцэартакуа ҧаҩ-ҧаҩ ишьит[25].

Эта колыбельная-потешка в основном не переводится, но в нее вкраплены такие слова, как «козий пастух Титу», «сын Титу Джаныква на усадьбе князя убил зайца!» «Лей-лей» или леир-леир» — обычный рефрен черкесских колыбельных песен, что значит «баюшки-баю». Например:

Лейр пщIыкъа сси саби дыша,
Лейр пщIыкъа нэху.

Баю-баюшки, мой младенец,
Баю-баюшки, свет очей моих.

Не удивительно, что рефрен черкесской колыбельной песни проник в абхазскую колыбельную, т. к. история тесных взаимосвязей между этими двумя народами уходит в глубь веков. Следующее затем «нани, нани, шьыри» так же убеждает нас в том, что первая строка этой потешки — рефрен колыбельной песни.

Нельзя не упомянуть колыбельных песен, которые, на первый взгляд, поражают своей жестокостью.

У Шейна, например, в сборнике есть образцы таких колыбельных, содержание которых, в наших понятиях, несовместимо с материнством:

[25] Абхазская народная поэзия. 1972, с. 139.
[26] Гуси-лебеди. Детские стихи и сказки (на черкесском языке). Черкесск, 1969, с. 11.

Баю, баю, да люли!
Хоть теперь умри,
Завтра у матери
Кисель да блины, —
То поминки твои.
Сделаем гробик
Из семидесяти досок,
Выкопаем могилку
На плешивой горке,
На плешивой горке,
На господской стороне.
В лес по ягоды пойдем,
К тебе, дитятко, зайдем[27].

По поводу колыбельных такого рода О. И. Капица пишет: «В тяжелых условиях крестьянской жизни, когда женщина обременена заботами и работой, нередко грудной ребенок дает мало радости, особенно если дети часты и их много, как это бывает нередко в крестьянских семьях»[28].

Колыбельные такого содержания бытовали, очевидно, и в абхазском народе. Удалось записать одну из них, явно связанную с аталычеством:

Шьышь наани, уа наани,
Хуху наани, уа наани.
Иулысхыша нулысхлакь,
Анышэаз усаазаанит![29]

Шиши наани, уа наани,
рефрен.
Хуху наани, уа наани!
После того, как я получу то,
что мне
причитается за твое воспитание,
Пусть тебя хоть земля возьмет!

В. П. Аникин также останавливает свое внимание на таких колыбельных песнях: «Распевая такую песню, мать не только не желает ребенку смерти, а, напротив, по ее представлению, борется за его жизнь и здоровье. Мать верила, что после такого пения злые силы оставят ребенка в покое. В полном соответствии с этим толкова-

[27] П. В. Шейн. Указ. раб., с. 10.
[28] О. И. Капица. Указ. раб., с. 41.
[29] Записано со слов Ж. Ш. Агрба, с. Куланурхва Гудаутского района, 20.V.72 г.

нием колыбельных песен находится славянский обряд имитирования похорон. Обряд, равно как и песня над колыбелью, был рассчитан на обман злых существ, причиняющих ребенку боль»[30].

Мы считаем, что В. П. Аникин стоит ближе к правде в толковании этого явления, нежели О. И. Капица. Известно, что детство сопровождается обязательными болезнями, которые в старину страшны были своей неотвратимостью и тяжелыми последствиями. Каждая мать по мере своих сил и возможностей старалась предотвратить их. Таким образом, эти песни являются не плодом ожесточенности, а, напротив, плодом материнской, всепоглощающей любви.

Однако с абхазским вариантом подобного типа колыбельных дело обстоит иначе. Колыбельная эта связана с аталычеством, которое, как известно, не всегда являлось добровольным. Иногда бедный крестьянин вынужден был искать сильного покровителя, для чего и взваливал на себя тяжелое бремя воспитания княжеского дитяти. Мать-кормилица, имея своего грудного ребенка, должна была, по обычаю, все свое внимание уделять сиятельному воспитаннику: первым кормить его грудью, отдавать ему лучшие куски. Этого требовал обычай, этого требовали все старшие в доме, этого требовали обстоятельства: боже упаси, чтобы с княжеским ребенком чего не случилось.

При таком положении родной ребенок оставался без внимания и должного ухода, что, вполне естественно, могло привести к болезни или даже смерти его. Только убитая горем мать могла распевать над колыбелью княжеского ребенка такую жестокую по содержанию колыбельную песню.

§ 2. Потешки, пестушки, приговорки, песенки и прибаутки

Если в колыбельной песне мы находим много мотивов, далеких ребенку, а в детском фольклоре старших возрастов много заимствований, то в потешках, пестушках, поговорках, песенках и прибаутках в центре творчества ребенок со всеми ярко выявленными интересами, вкусами и запросами.

[30] В. П. Аникин. Указ. раб., с. 91.

Потешки—это песенки, сопровождаемые разными элементарными играми с пальцами, руками и другими движениями. Игры с руками и пальцами распространены среди многих народов. Например, очень распространена в абхазском народе потешка «Ци-ци, куа-куа» (Ци-ци, ква-ква) — (не переводится), которою, обычно, забавляют маленьких детей (годовалых, полуторагодовалых). Взрослый щипком берет ребенка за тыльную сторону ладони, ребенок, в свою очередь, тоже берет за эту его руку таким же образом, только другой рукой и т. д., пока все четыре руки не составят цепи. Двигая эту цепь вверх-вниз, взрослый нараспев приговаривает:

Ҵи-ҵи, куа-куа,
Махари ҷьаҷьа,
Уа ахҵны калам ала
Хартҵэи быстеи хуажь-хуажь![31]

(не перев.) и внезапно, оставив руки ребенка, слегка щекочет его, приговаривая «кир-кир-кир-кир» (имитируя смех).

К этой потешке взрослые прибегали, когда нужно было поднять тонус ребенка, развеселить его, поднять ему настроение после сна, когда дети больше всего капризничают.

Эту потешку можно отнести к разряду потешек-песенок, т. к. она поется. Есть еще несколько вариантов этой песенки-потешки:

Ҵи-ҵи, гуа-гуа,
Махари ҷьаҷьа,
Уа ҳаҭаникуара,
Саҭаникуара!

Ҵи-ҵи, гуа-гуа,
Махари ҷьаҷьа,
Хартҵэи быстеи
Еитцыркуакуа![32]

или еще:

Ҵи-ҵи, гуа-гуа,
Махари ҷьаҷьа,

[31] Записано со слов Ж. Ш. Агрба, с. Куланурхва Гудаутского района, 17.I.72 г.
[32] Записано со слов Н. З. Тарба, 38 лет, Сухуми, 15.III.72 г.

Уа ахтны дуӡӡа каламла
Оупа ҵьаҵьа дубазар?[33]

Перевод:

Ци-ци, гва-гва,
Махари джаджа,
На огромной усадьбе князя
грубошерстную бурку не встретил?
(т. е. человека в грубошерстной бурке).

Есть и абазинский вариант этой потешки:

Ҵаба* ҵ/у, ҵ/у, ҵ/у,
Ҵаба ҵ/у, ҵ/у, ҵ/у!
Ҵ/ур** их/ампал*** ала иафит![34]

Перевод:

Аба цу, цу, цу, (не переводится)
Аба цу, цу, цу!
Колобок Цура съела собака.

Почти такая потешка есть и у адыгов — «эбэдзу» «эба» — рученька, пальчики, «дзу» — не переводится. Взрослый берет щипком тыльную сторону ладони ребенка и держит его руку над своей (и так далее, точно так же, как и в абхазской «Ци-ци, ква-ква»). Затем, покачивая руки, напевает:

/эба дзу-дзу,
/эба дзу-дзу. (не переводится).

Когда внимание ребенка уже привлечено к этому, взрослый смотрит на потолок и, указывая пальцем туда, говорит: «Смотри, куда мышонок залез». Ребенок поднимает голову, и в это время взрослый неожиданно щекочет его в шею. Ребенок смеется[35].

---

[33] Записано со слов Гриши Мутиевича Черкезия, 86 лет, с. Звандрипш Гудаутского района, 16.VII.73 г.

[34] Записано со слов Л. М. Кмузовой, 70 лет (абазинка, из Клычевского аула, ныне с. Псаучья Дахе КЧАО), Сухуми, 12.V.72 г. *Абадетское название руки (информатор). **Цур — имя; ***Хампал — вареный колобок из кукурузной муки с сыром.

[35] М. И. Мижаев. Детский песенный фольклор. — КЧНИИ, Труды, в. VII, Черкесск, 1973, с. 118 (на черкес. яз.).

И в грузинском детском фольклоре существует подобная потешка.

Действие игры то же самое, а приговаривают так:

ნიფო, ნიფო, ნიფონია,	(Щекочут ребенка)
თოთო კვერცხი გიჭამია,	Нипо, Нипо, Нипония (имя),
პირზე გცხია, გიხარია,	Младенец съел яйцо,
ხა-ხა-ხა-ხა![36]	Рот обмазан, ты радуешься,
	ха-ха, ха-ха!

Потешки эти предназначались для детей годовалых, полуторагодовалых. Они очень популярны и популярность эта объясняется их эмоциональностью, четким ритмом, звуковыми эффектами.

Иногда, загибая пальчики ребенка, перечисляют их названия на детском языке (может, и не на детском. Во всяком случае, в народе считается, что нижеприводимое является названием пальцев):

Мса (мизинец)
Мсандук (безымянный)
Маминдук (средний)
Мандыкуиса (указательный)
Мыцэхындыс (большой)[37].

Названия эти не переводятся на современный абхазский язык, если не считать того, что в названии большого пальца есть корень слова «палец» — «мыц» (мыцэ). Можно перевести и «хын», следующее за «мыц» как «во главе»; «Дыс» же логично сравнить с черкесским «дас», что значит «стоит», «во главе стоящий палец».

Интересна и следующая потешка, записанная в четырех вариантах, каждый из которых предназначен для определенного возраста: варианты попроще для совсем маленьких, а посложнее—для 2—3-летних детей.

Первый вариант

Берут поочередно каждый палец годовалого ребенка и, плавно пригибая, приговаривают:

---

[36] К. А. Сихарулидзе. Указ. раб., с. 37.

[37] Записано со слов И. Басария, 27 лет, Сухуми, 10.X.73 г.

Арица, цамица,
Цызаҵәы* хапина
Зихуху! (не переводится).

Затем, касаясь перепоночек между пальчиками ребенка, говорят:

Ара иааин — иаасмышьтит,
Ара иааин — иаасмышьтит,
Ара икылсын (между указательным и большим
Тычх-тых-тых! пальцем)
тых-тых-тых![38] (щекочут ребенка)

Перевод: сюда прибежала (мышка) не пустил(а), сюда—не пустил(а), а здесь пробежала.

Второй вариант потешки

Арица, цамица
Цызаҵәы, хапиннари заху!
(загибая поочередно пальчики)

Ари мшьы — мшьдакуа,
Мамида куа, мидакуашьа
Мшьыхаҵә![39] (не переводится)
(и опять щекочут его)

Эти две потешки предназначались для самых маленьких: от шести месяцев до полутора-двух лет. Дети этого возраста не могут вникать еще в содержание потешки, их больше увлекает музыка стиха, звонкие слова, пусть даже и бессмысленные.

Теперь уже трудно сказать, были ли эти слова бессмысленными, или постепенно утратили свое первоначальное значение, бесспорно одно: музыка стиха выразительна и слова, составляющие их, звонкие. А детям этого возраста большего и не нужно.

Можно и сейчас наблюдать такое: детям годовалым и полуторагодовалым читают «Доктора Айболита» в стихах К. Чуковского. И если чтение выразительное, дети с

---

* Цызаҵәы — однозубый, т. е. маленький ребенок.

38 Записано со слов Н. П. Лакоба. Сухуми, 8.I.1972 г.

39 Записано со слов А. Х. Хеция, 28 лет. Сухуми, 17.I.72 г.

удовольствием слушают, хотя и не понимают смысла. Их увлекает неповторимая музыка стиха Чуковского.

III и IV варианты этих потешек более сложные, они осмысливаются детьми и предназначены для детей 2—3 лет.

Третий вариант

Тыча пальцем в ладонь ребенка, сложенную лодочкой, говорят:

Ара аҧьыцьыхуа ҭоуп,
Ара араса ҭоуҧ,
Ара алахарҽа ҭоуп,
Ара аилаҷь ҭоуп.
Аҳәынаҧ хуҷы
Ара иааин — (указывают на перепоночки между пальчиками)
Иаасмышьтит,
Ара иааин — (указывают между большим и указательным пальцем)—
исыцәкылсын, ианыз
зегьы иафо-иафо (щекочут ладошку),
Смаҧра италан кур-кур-кур! (щекочут)[40]

Перевод:

Берут ручку ребенка и, указывая в сложенную лодочкой ладонь ребенка, говорят:

Здесь лежит аджанджуху*
Здесь лежат орехи,
Здесь лежит сушеный инжир,
Здесь лежит аиладж**.

Мышонок — указывают между пальчиками ребенка — сунулся сюда — не пустил(а), сунулся сюда — не пустил(а), а здесь, — между большим и указательным пальцем — пробежал и все, что здесь спрятано, ел, ел, ел (щекочут ладошку), влез в рукав и — кур-кур-кур (щекочут).

---

40 Записано со слов Х. Ш. Агрба, с. Куланурхва Гудаутского района, 7.I.72 г.

* Аджанджуху — лакомство, приготовленное из орехов и виноградного сока.

** Аиладж — блюдо из кукурузной муки и свежего сыра.

Четвертый вариант

Берут ручку ребенка и, тыча пальцем в ладонь, говорят:

Здесь лежит аджанджуху,
Здесь лежит аиладж,
Здесь лежит сушеный инжир,
Здесь лежит акалмыш*,
Здесь лежат орехи...[41]

Одним словом, здесь лежит все самое вкусное. Мышонок прибежал, подступился к мизинцу, а он кричит: «Где моя сабля!». Подступился к безымянному, а он — «Где мой кинжал!». Подбежал к среднему, а он — «Где мой пистолет!» Мышонок к указательному, а тот — «Где мое ружье!». Подступился к большому пальцу, а тот — .«Подайте мою цалду!». Тогда мышонок (касаются косточек у оснований пальцев) влез на этот бугорок, спустился с него, влез на другой и т. д., пролез между указательным и большим пальцем, добрался до еды, ел, ел, ел (щекочут ладошку), его заметили, закричали, а он — юрк в рукав и кур-кур-кур (щекочут).

Эта потешка очень занимательна для детей как по форме, так и по содержанию. В ней упоминаются разнообразные лакомства, говорится о всевозможных видах оружия: сабле, ружье, кинжале, пистолете и т. д. Помимо своего эмоционального значения, она пополняет словарный запас детей.

Потешка, подобная этой, очень распространена и в грузинской материнской поэзии. Называется она „ხბო წითელა“ (красный бычок). В углубление ладони ребенка тычут пальцем, где якобы находится красный бычок (ხბო წითელა), предназначенный для заклания. Пальчики ребенка выступают в роли действующих лиц. Поочередно, отгибая их, говорят текст потешки, а потом по рукаву подбираются к груди и шейке ребенка и щекочут его. Эта игра и вышеупомянутые напоминают русскую «Сороку». Текст „ხბო წითელა“ таков:

ლოლია, ლოლია — Лолия, лолия
ხბო წითელა — (тычут пальцем в углубление ладони), красный бычок.

[41] Записано со слов М. Микаиа, 38 лет, Сухуми, 5.I.72 г.
* Акалмыш — блюдо из молодого вина и кукурузной муки.

ამან დაკლა — (отгибают безымянный) — этот зарезал,
ამან გაატყავა — (отгибают мизинец) — этот освежевал,
ამან დაჭრა — (отгибают средний) — этот разделал,
ამან მოხარშა — (отгибают указательный) — этот сварил,
ამან... ჩაყლაპა![42] — (отгибают большой палец) — этот ... съел! (щекочут).

Много таких потешек и в черкесском детском фольклоре. Слегка щекоча ладошку ребенка, приговаривают:

Здесь пасутся ягнята,
Здесь пасутся телята,
Этот (касаются указательного пальца):
— Пошли!
Этот (касаются среднего пальца):
— Ну пошли!
Этот (касаются большого пальца):
— Накорми нас мамалыгой с молоком!
Другой (касается безымянного):
— Где взять?
Тот (касается мизинца):
— Аллах даст!
Другой (касается безымянного):
— А если не даст?[43]
(Щекочут)

В потешках уже видна их явная педагогическая направленность. Кроме эмоционального значения, они содержат в себе нравственные принципы. Так, в приведенной потешке, когда мышонок начинает есть содержимое ладошки, пальцы дружно изгоняют его — в единстве сила!

Или вот в черкесской потешке о пальцах содержится целое философское суждение о труде, основной смысл которого можно выразить пословицей «на бога надейся, а сам не плошай!».

Пестушки сопровождают разные моменты жизни ребенка: первые шаги, хождение, беганье, специальные упражнения рук, ног и других частей тела.

После пробуждения уставшие от пеленания конечности ребенка требовали движений, своеобразных упражне-

[42] К. А. Сихарулидзе. Указ. раб., с. 36.
[43] Записано со слов Захры Аминовны Кмузовой, 64 года, Сухуми, 2.I.75 г.

ний. Мать разводила ручки ребенка в стороны, сначала одну, потом другую, и приговаривала:

Уарма аҧыс иқутәоуп,
Уарҧьа аҳәыхә ықутәоуп.
Уан лакьыта,
Цәымза лакьы-лакьыта.
Ҭарбзан хуарашьа,
Аҳмат хучы хык ааишьҭит,
Баз-ҧха илаахеит.
Барза-барза лнархәеит.
Ҳ-Амаршьан дааҧшит,
Ҳагугум цьаҧьа ифеит,
Ашәуа-ҧха ҿыгу-сыгу.
— Иазыркыда? — Ҳашәыргьала.
— Изырҧсыда? — Цьандыргьала,

(текст не перев.)[44]

Эта пестушка широко распространена, причем во множестве вариантов.

Приведем еще несколько вариантов:

Анаара ҧыс тәоуп,
Анаара ҳәыхә тәоуп.
Цымза-цәымза лакьыта,
Цьаҳмат хучы,
Гьаргь дымсит![45]

Уарна аҳәыхә ықутәоуп,
Уарна аҧыс ықутәоуп.
Уарна лакьы-лакьы,
Цәымза лакьы-лакьы,
Ҭырбзан хурашьа.

Цынча хучы хыхь дықуршәын,
Барзаа-ҧха цаҟа дтәан,
Цынча хучы хык лаишьҭын,
Барзаа-ҧха илыкушәан,

[44] Записано со слов Т. Т. Отырба (из села Абгархук Гудаутского района), 70 лет, Сухуми, 8.II.72 г.
[45] Записано со слов К. Т. Касландзия, с. Кутол Очамчирского района, 10.IX.73 г.

Барза-барза лнархәеит,
Барзакаба лнарҙахит.
Цьауҳал-цьашҧ цьамаркылдыш.
Адыҧаҷа бакьаниа,
Сдырган ҷаҿ-чаҿ,
Смаршьыгу дааҧсеит
Сгуыгуым ҧаҧь ифеит![46]

В целом тексты вышеприведенных пестушек не переводятся, но в них встречаются отдельные слова и даже целые предложения, не лишенные смысла. Например, в первом варианте пестушки такие: «На твоей левой (руке) сидит птичка, на твоей правой (руке) сидит голубь», «Маленький Ахмат послал пулю, она попала в девушку по фамилии Базба, это заставило ее сказать «барза-барза» (бессмыслица), «Наш Маршания устал», далее есть такие осмысленные слова, как «кто закрыл?», «кто потушил?» — далее бессмыслица.

В следующей потешке переводятся две первые строчки: «На склоне сидит «птичка, на склоне сидит голубь» и две последние: «Маленький Джахмат, клянусь Георгием».

В третьей потешке переводятся следующие строчки: «Маленький Чинча (имя?) лежал наверху, девушка по фамилии Барзаа сидела внизу, а маленький Чинча послал пулю, она попала в девушку Барзаа, заставила сказать «Барза-барза», заставила сшить платье барза (бессмыслица), моя сковорода «чею-чею» (звукоподражание)».

В таком духе даны и последующие пестушки.

Ласковым голосом, в смешливых интонациях мать приговаривала все это, разводя то ручки, то ножки младенца, поглаживая, как бы делая массаж его тельцу. Все это приводило ребенка в здоровое бодрствование, поднимало ему тонус.

Когда ребенок впервые ступал на землю, ему родители говорили: «Дгьыли жәҿани ҧуҧуоуп!». Когда же начинал ходить, взрослые, поддерживая его за обе ручки, приговаривали: «Таа-ти, таа-ти!». Очевидно, что эта пестушка имела продолжение. Интересно, что и черке-

[46] Абхазская народная поэзия. 1972, с. 138—139.
* Земля и небо крепки!

сы говорили при этом почти то же самое: «Даа-ди, даа-ди!», что означает «Ко мне, ко мне!». Взрослые, стоя чуть поодаль от ребенка, звали его к себе, чтобы он увереннее шел к ним. Сейчас это значение не осмысливается («даа-ди» — ко мне), как и абхазское «таа-ти» (топ-топ), что на детском языке означает «ходить». «Уааи, таати ҟахҵап!». (Иди, сделаем таати!) — говорят взрослые ребенку.

Уверенность в том, что приговорка «таа-ти» имела продолжение, внушает нам то обстоятельство, что у адыгов есть целый цикл песен, посвященных первому шагу ребенка.

У адыгов с давних пор существовал обряд «тлетеува» (лъэтеува) — становления на ноги. Исполнялся он в семейном кругу в честь ребенка, в особенности мальчика. Ритм «тлетеува» песен обычно медленный, соответствует неторопливому шагу ребенка. Причем «даа-ди» («ко мне») часто переходит в «ди-ди». Например:

Ножки маленькие ди-ди (топ-топ),
Ножки маленькие ди-ди,
Бабушка и дедушка — старые пни,
В их старом очаге — огонь из старого дерева.
Ди-ди,
Ножки маленькие ди-ди,
Ножки маленькие подкашиваются,
Ходит, как теленочек.
Ди-ди,
Ножки маленькие ди-ди,
Как медвежонок, топает,
Бегает, как барсучок,
Ди-ди,
Ножки маленькие ди-ди[47].

Таких песенок, посвященных первому шагу, в адыгском фольклоре много. Это обстоятельство внушает нам, что и в абхазском детском фольклоре бытовали такие песни. Мы надеемся, что в дальнейшем нам удастся найти материал, который поможет полнее осветить этот вопрос.

В грузинском детском фольклоре песенок, посвященных первому шагу, не так много, но во всяком случае

[47] М. И. Мижаев. Указ. раб., с. 116.

они даны полнее. Например, когда ребенок впервые начинает ходить, его водят за ручку и приговаривают:

სია ტატა,	Ходи тата,
ფეხის ადგმა,	Переставляй ножки,
არ დაეცე	Не упади,
კაკას მოგცემ![48]	дам тебе бяку.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что абхазское «таа-ти», адыгское «даа-ди» и грузинское „ტა-ტა“ однотипны.

Очевидно, у всех народов существовал этот вид детского фольклора. У русских, например, когда ребенка после купания окачивали водой, приговаривали:

Вода текучая,
Дитя растучее.
С гуся вода,
С тебя худоба.
Вода книзу,
А дитя кверху![49]

А у абхазов уже выкупанного ребенка клали в люльку с такой приговоркой:

Амза шҭəра уҭəааит,
Амза шҭəра утəааит![50] — налейся, как луна в полнолуние!

Чтобы позабавить, развлечь пробудившегося после сна ребенка, существовало немало очень ритмичных и эмоциональных песенок, так называемых **забавок.**

После того, как ребенка поднимали с люльки, кто-нибудь из членов семьи (бабушка, нянька, старшая сестренка, мать, а иногда и дедушка) сажали его на колени и, слегка подбрасывали на них, в такт приговаривали:

Қьауа қьауа,*
Қьазандара,
Бурмат-бурмат

[48] К. Сихарулидзе. Указ. раб., с. 37.
* Пкваца — кузнечик (черк.).
[49] П. В. Шейн. Указ. раб., с. 10.
[50] Записано со слов Д. С. Хагба, с. Ачандара, 18.VII.73 г.

Шьамаҟара.
Иауаиада,
Иабҧарада,
Қьауакьаса![51] (не переводится)

Последнее слово говорили громче и сильнее подбрасывали ребенка на коленях, отчего он смеялся. Забавку эту составляют слова, не имеющие смыслового значения. Однако ритмичность и музыка стиха настолько очевидны в ней, что безусловно она была для детей привлекательной, содержание же для такого возраста значения не имеет.

Любимой забавой маленьких детей является подбрасывание на руках и качание на коленях в сопровождении песенок. Песенки эти отличаются большой динамичностью стиха и ритма и бытуют у всех народов.

У русских они начинаются звукоподражаниями типа «скок-поскок», «чики-чики-чикалочки», «тюшки-тютюшки!».

Тюшки, потюшки,
Овсяные лепешки,
Пшеничный пирожок,
На опарушке мешок,
Высокохонько взошел!

При последних словах ребенка высоко поднимают.

У немцев эти песенки носят название „Kniereiter lied“, т. е. песенка всадника на коленях. Вот одна из них:

Hopp, hopp, hopp Reiterlein,
Wen die Kinder klein sein,
Reiten sie auf Stoklein;
Wen sie grösser werden,
Reiten sie auf Pferden,
Wen sie grösser wachsen,
Reiten sie nach Sachsen.[52]

(Гоп, гоп, гоп, всадничек, когда дети малы, они ездят на палочке; когда подрастают, они ездят на лошади, а когда станут большими, отправляются в Саксонию).

[51] Записано со слов Отырба Т. Т., Сухуми, 12.II.72 г.
[52] О. И. Капица. Указ. раб., с. 57.

К песенкам подобного типа относится и следующая прибаутка, но она, очевидно, предназначалась для детей более старшего возраста; в ней отразились быт и нравы абхазского народа. Есть в забавке намек и на социальное неравенство.

Иауаа — иауаа
Иауауан!
Лакыр Суман ҧыбра дыргеит,
Жьаҧшь Жьагуа ҧагурҧьа иуеит,
Иаила* кьараху таилым ҟарцоит,
Гумбы Қублыху ашта цыхуан
Қашьмеи** ҟаицоит;
Ҳап-иҧа дима кумжәы
жәоху маат![53]

(Первые две строчки не переводятся)
Лакрба Сумана аталыки вернули родителям,
Жапш Жагва (фамилия и имя) устроил пир
по поводу рождения сына:
Восемь человек упражняются в конных играх.
Сын хана оборванец пятнадцати рублей!

При последних словах ребенка подбрасывали.

К разряду прибауток можно отнести и такую незамысловатую юмористическую по содержанию песенку:

Атахмада қабада — Старикашка глупый
Ацла дыкулеит лабада. — Влез на дерево без палочки,
Атахмада қабада — Старикашка глупый
Ацла дыкухеит лабада![54] — Остался на дереве без палочки.

Ребенок, играя с бабушкой, приговаривает:

Қыли — пыли,
Ҧасоцьина,
Гыды-пыди
Папышә
Куалы-куаты![55] (текст не переводится)

[53] Записано со слов Отырба Т. Т., Сухуми, 12.II.72 г.
* Иаила — (т. е. восемь человек) — прим. информатора.
** Кашьмеи — чераз (конные игры) — прим. информатора.
[54] Записано со слов Агрба Ж. Ш., 60 лет, с. Куланурхва Гудаутского района.
[55] Записано со слов Софьи Дудовны Басария (дев. фам. Адлейба), 85 лет (из села Кутол Очамчирского района), Сухуми, 25.X.73 г.

При этом он пальчиком касается шеи бабушки.

Совсем маленькие дети (с 4—5 месяцев, а иногда и раньше) смеются, если слегка коснутся пальцем их носика, щек и подбородка, говоря при этом что-нибудь подобное вышеуказанной потешке). Когда же ребенок подрастает, в полтора-два года, он уже сам приговаривает подобную прибаутку, играя со взрослыми.

Или вот еще такая потешка:

— Ҳаи гьыди, Тамара,
— Араҳу абаҟоу, Иликуа?
— Ҷачал имцеи, Тамара,
— Уца, иаацеи, Иликуа,
— Смагу мҟьашьуеи,
Тамара! [56]

— Хай Гиди (возлас), Тамара,
— Где наш скот, Илико?
— Ушел в Чачал, Тамара.
Пойди пригони, Илико.
— Моя обувь запачкается,
Тамара!

Цель материнской поэзии, разумеется, не только позабавить ребенка. В ней присутствуют моменты физического, трудового, эстетического, нравственного и т. п. воспитания. Облекается же все это в занимательную для детей форму, соответствующую психологическим особенностям данного возраста. Эмоциональность формы — когда дети еще не в состоянии вникнуть в смысл слов, эмоциональность и формы и содержания — когда они становятся взрослее.

В детском фольклоре абхазов бытует приговорка, связанная с изготовлением рукоятки для плетки. Берется палка длиною в рукоять плетки. Зажав ее нижний конец в кулаке, чередуют обе руки так, чтобы дойти от нижнего конца до верхнего (как при конании), приговаривая:

— Уабацои?
— Абнахь.
— Иааугои?
— Камчлаба.
— Уара узгьы,
Сара сызгьы
Иаага ҟамчлаба[57]

— Ты куда?
— В лес!
— Зачем?
— За рукояткой для плетки!
— Для себя и
Для меня.
Принеси рукоятку!

Когда кончается приговорка, оказывается, что кулак

[56] Записано со слов Ж. Ш. Агрба, с. Куланурхва Гудаутского района, 17.I.72 г.

[57] Информатор Агрба Ж. Ш., село Куланурхва Гудаутского района, 17.I.72 г.

доходит до конца рукоятки (палки), т. е. размер приговорки равен размеру рукоятки.

Эта приговорка развивает у детей чувство ритма, имеет значение в привитии практических навыков — в шуточно-занимательном виде преподносятся ребенку сведения о размере рукоятки.

Большая приверженность детей к звуковым эффектам, ритмичности, динамике стиха привела к тому, что в детском фольклоре бытует множество стихов и песен, утративших свое смысловое содержание. Дети с удовольствием будут повторять любую бессмыслицу, лишь бы она была достаточно ритмична. В силу этого в детском фольклоре сохранились древнейшие образцы обрядовой и другой поэзии, давно заброшенной взрослыми, но подхваченной детьми в силу внешней эффективности. Мы коснулись этого вопроса в связи с древностью вышеприведенной приговорки. Она, как это видно из содержания, связана с теми временами, когда конь, седло, плетка и тому подобное снаряжение было центром внимания ребенка с самого раннего детства.

Возьмем следующий вид приговорки, имевший немалое значение в привитии трудовых навыков:

Лан ихылҟьоит атыҟ-тыкҳәа,
Лаб ибылуеит агур-гурхәа,
Лашьа дчалтуеит ахухуа-хухуаҳәа,
Аҧха илкуакуеит ахужә-хужәаҳәа,
Лан драшәоит ахьышәт-хышәтхәа,
Лаб ирҧҧоит атәыз-тәызхәа,
Рызлагара лагоит ахыу-хыухәа,
Рлеиқуатцәа шуеит ацыҧу-чыҧухәа,
Лан дкуакуеит ажәжәа-жәжәаҳәа
Ртаца дхалоит аффа-ффахәа![58]

Мать корчует (звукоподражание)
Отец выжигает (звукоподражание)
Брат боронит (звукоподражание)
Дочь рыхлит (звукоподражание)
Мать полет (звукоподражание)
Отец колет (звукоподражание)
Мельница мелет (звукоподражание)
Собака лает (звукоподражание)

[58] Абхазская народная поэзия, 1959, с. 269.

Мать рыхлит (звукоподражание)
Невестка прядет (звукоподражание)

Здесь в звукоподражательной форме передаются почти все виды деятельности крестьянина, подчеркивается, что все члены семьи работают. Вот в такой занимательной форме трудовой народ знакомил детей со своей деятельностью, психологически подготавливал ребенка к труду. Необыкновенная динамичность и звукоподражательные эффекты этого стиха не могли не привлечь внимание детей.

Характер детского творчества, круг восприятия интересов в зависимости от возвраста изменяется. Исходя из этого, произведения детского фольклора можно разделить на две группы:

1. Творчество взрослых для того возраста, когда дети находятся на их попечении, это элементарные игры с пальцами и другие забавы в этом роде.

2. Произведения, которые бытуют среди детей, когда они уже самостоятельно развлекают себя.

«Игры с руками и пальцами для маленьких детей распространены у всех европейских и азиатских народов, их мы находим также у африканских чернокожих»[59], — пишет О. И. Капица. Эту мысль подтверждают и вышеприведенные материалы из абхазского, грузинского, адыгского и абазинского детского фольклора.

Однако мы не согласны с утверждением О. И. Капицы, что «в деревенском быту, где нет почти игрушек для маленьких детей, пальцы и руки заменяют их и своими движениями изображают самые разнообразные предметы и действия»[60]. Это происходит не от того, что нет игрушек. Целесообразность игры с пальцами, руками и другими частями тела ребенка подсказаны были самой жизнью и исходили из того, что воспитатели начинали приобщать ребенка к внешнему миру с самого близкого ему — частей его же тела. И самым близким и заметным для глаза совсем еще маленького ребенка являются его руки, как самая подвижная часть его тела. Потом начинали обращать внимание и на другие части тела и их особенности.

[59] О. И. Капица. Указ. раб., с. 57.
[60] Там же.

Что касается минимального количества игрушек у крестьянских детей, то и это явление находит себе оправдание с точки зрения целесообразности. Крестьяне снабжали своих детей минимальным количеством игрушек из тех соображений, что ребенок, заваленный уже готовыми игрушками, мало инициативен. Ребенок (когда он становится повзрослее) сам должен был уметь сделать эту игрушку, проявив при этом смекалку и применив имеющиеся уже у него практические навыки. И чем чаще он будет предоставлен самому себе в этой области, тем инициативнее и практичнее будет в самостоятельной жизни, так как в играх и изготовлении игрушек он подражает взрослому.

Г. Виноградов в «Народной педагогике» останавливает свое внимание на этом вопросе и пишет, что «теоретические положения учения Платона не одобряют обилие игрушек у детей». Он также цитирует Тагора, утверждающего, что «мир игры отравлен у того несчастного ребенка, который переобременен неограниченным количеством игрушек»[61].

§ 3. Сказочки, небылицы, забавы, загадки, скороговорки

С дальнейшим ростом ребенка возрастают его запросы. Появляется необходимость расширить его кругозор. Для знакомства детей с окружающим миром народная педагогика в первую очередь обращается к тем явлениям действительности, которые наиболее близки и понятны им.

Взрослые старались ввести ребенка в окружающий его мир вещей и явлений. Делали они это как умели, в силу своих способностей и знаний. Некоторые явления они склонны были окружать романтическим ореолом. Например, в тихие летние вечера, когда ребенок уже почти засыпает, его слух улавливает такую перекличку: «Киут! Киут!»*. На дворе темно, мир так велик и столько в нем таинственного, а тут этот такой странный и вместе с тем уютный звук. Причем, если прислушаться, то кажется, что раздается два голоса, и второй выше на

[61] Г. Виноградов. Народная педагогика, с. 14.
* Крик птицы из семейства совиных.

ноту. Ребенок обязательно спросит, кто это кричит? И взрослые рассказывают ему предание, что жили двое детей-сирот, брат и сестра. Они пасли ягнят у злого и жадного хозяина. Как-то один ягненок забежал в заросли и пропал. Страшно стало детям возвращаться к злому хозяину без ягненка, и они отправились на его поиски. С тех пор и скитаются они, ищут ягненка и перекликаются:

— Нашел? — спрашивает сестра.
— Нет! — отвечает братик.
(«Иубама?» — «Мамоу!»)

Даже эта маленькая этиологическая сказочка содержит в себе несколько воспитательных моментов. Во-первых, на сон грядущий ребенку рассказывается интересная сказка; во-вторых, кроме своей занимательности, она воспитывает в детях чувство справедливости, гуманности, ненависти к злу, к социальному неравенству.

«Своеобразное введение в зоологию и зоопсихологию, — пишет Г. Виноградов, — предлагается детям тоже в самом раннем возрасте — через использование **посказулек** с звукоподражанием, в которых обыкновенно говорится о знакомых детям животных»[62].

В абхазской материнской поэзии также используются подобные посказульки. Например, пробуждение какого деревенского ребенка не сопровождалось звонким петушиным криком. Дети, конечно, замечали, что ему обязательно отвечает другой петух. И долго, должно быть, слушал ребенок эту перекличку, и у него, как это вообще свойственно детям, возникал ряд вопросов к взрослым. На этой почве родился, очевидно, опоэтизированный взрослыми ответ в виде петушиной песни:

Арбаҕь ашәа	Песня петуха
Кыр-кы-ка-коу! Уабаҟаз?	— Кукареку! Где ты был?
— Абна сылан!	— В лесу!
— Иушьоузеи?	— Какая на тебе обувь?
— Ацыс еимаа!	— Птичья!
— Иузаазхуада?	— Кто тебе ее купил?
Храа-зраа!	— Зевака!
Дыҧсыма?	— Он умер?
Дыҧсит, ааи!	— Да, умер!
Иҧсху ууама?	— Поминать его будешь?
Изуеит, ааи!	— Да, буду!
Иушьуазеи?	— Что зарежешь?
Ацәкуа, ажәкуа!	— Быков, коров!
Сабауртәои?	— Куда меня посадишь?
Аханы!	— Во главе стола!
Иссауцозеи?	— Чем угостишь?
Ашша-мышшакуа!	— Всякими жирами.
Сгуы хынҳәыр уара?	— А вдруг меня стошнит?
Атахызаргьы ихынҳәааит!	— Ну и пусть стошнит!
Кры-кы-ка-коу!	— Ку-ка-ре-куу!
Ибзиоуп нас![68]	Ну и хорошо!

[62] Г. Виноградов. Народная педагогика, с. 17.

Немало таких посказулек и в черкесском детском фольклоре:

Модэ, модэ, зы къогуоу,
Гуоу кIыхь къредза.
Дзыдза хуаэдэу гьафэш,
Ну хуэдэу фэкъуш.
Адакъа пщIыпщIа,
АнапщIа гъуэлаш.
ТIри-тIри хьамыкъуэ
Бжэнкьуий малъэта
Къушхьам малъэтажь![64]

Тише, тише, что-то кричит!
Слышен протяжный крик
Как выдра гладкое,
Как сова прилизанное,
Как петух переливается
оперением,
Как курочка пестрое.
Лысая коза летит,
Улетает на пастбище.

Дети очень любят произведения, написанные в вопросно-ответной форме. Очевидно, это объясняется тем, что такая форма связана с драматизацией, игрой — один спрашивает, другой — отвечает. Причем каждый из действующих лиц вкладывает максимум выразительности, а иногда и изобретательности, т. е. в зависимости от обстановки слова произведений менялись, чем, очевидно, и объясняется множество их вариантов.

Вопросно-ответная форма связана, в первую очередь, с пытливостью ребенка, с его бесконечными вопросами «почему?», «зачем?», «что?», «как?», «где?»; которые он задает взрослым.

[63] Абхазская народная поэзия, 1959, с. 281.
[64] Записано со слов Захры Аминовны Кмузовой, 62 года, Сухуми, 15.V.72 г.

Мир детей наполнен своими маленькими и большими радостями, увлекательными играми, неудержимой фантазией и всевозможными вымыслами. И у взрослых для них всегда были в запасе забавные небылицы типа:

— Иа ууи-уи!	— Иа ууи-уй (возглас при зове)
— Икалазеи?	
— Ҽкуара ҽык ршьит!	— Что случилось?
— Изшьыда?	— На лошадином ручье лошадь зарезали!
— Омар иоуп!	
— Ацәа ахызхда?	— Кто заресал?
— Апап иоуп!	— Омар!
— Ажьы зфада?	— Кто освежевал?
— Алаҳәоуп!	— Поп!
— Ука лоуми, Сыка лоуми, Папы хатца,	— Кто съел мясо? — Ворон!
Пҳскьакьа,	— Ука, Сыка,
Цәыхакьакьа	— Поп — мужчина,
Дыкугыланы дыхәҳәеит:	— Мертвец затверделый, Влез на кол и закричал:
— Иа ууи-уи!	— Иа ууи-уи!
— Икалазеи?	— Что случилось?
— Ҽкуара ҽык ршьит!	— На лошадином ручье зарезали лошадь!
— Изшьыда?	— Кто заресал?
— Омар иоуп!	— Омар!
— Ацәа ахызхда?	— Кто освежевал?
— Апап иоуп![65]	— Поп! и сначала.

Небылица эта типа русской забавы «У попа была собака». Детей увлекает сам процесс перехода текста от конца к началу и возможность многократного повторения. Или же вот еще забава-скороговорка (а может быть, дети применяли ее как считалку, установить трудно), с которой связано увлекательное предание:

«Давным-давно жил-был старик, и было у него десять сыновей. Чуть свет расходились сыновья по своим делам: кто в лес за дровами, кто в поле пахать, кто на охоту, кто скот пасти, а старика оставляли дома одного.

[65] Записано со слов Никуалы Хашиг, 40 лет, Сухуми, 17.II.72 г.

В те далекие времена часты были набеги. И вот напали на их село враги, а сыновей дома никого не оказалось. Связали враги старика и хотели взять в плен. А старик и говорит: «Меня-то вы все равно забираете. У меня есть хорошие охотничьи собаки, и мне жаль их оставлять, заберите и их со мной». Враги согласились и разрешили старику позвать своих собак. Старик поднялся на бугорок и громко стал звать по имени своих сыновей:

Азамыква, Данакай,
Каймат, Каайтыхва,
Тыхважия, Ламжия,
Машихак, Хакаача,
Чаачаф, Чаанчабакмурза,
Иа-ууй-уй
Иаа-ууий-уй,
Вашего старого отца забирают![66]

Сыновья услышали крик старика, прибежали и спасли своего отца от плена». Сюжет этого предания свидетельствует о его древности, об этом же говорит и то обстоятельство, что подобная скороговорка бытует у черкесов (без предания). Почти все имена совпадают, правда, там сыновей больше — 15 человек.

Для детей она интересна тем, что ее очень трудно произносить. Как и любая скороговорка она вызывает у детей соревнование — кто произнесет ее без ошибки и ничего не пропустит, причем в быстром темпе. Дети очень увлекаются скороговорками. Они обычно состоят из трудных для произношения оборотов. Сложность фонетического состава их способствует развитию органов речи, обычно гибких у детей. Например:

Шашәак ашьашәашьа,
Шашәашьак рышьашәашьа,
Шашәарыц ирышьашәашьоуп,
Убри ашьашәашьа шьашәашьаны
Акы иашьашәаны иубахьоума?[67]
(Текст трудно переводим).

[66] Записано со слов Никуалы Хашиг, Сухуми, 17.II.72 г.
[67] Абхазская народная поэзия, 1959, с. 285.

Нужно отметить, что в абхазской фольклористике скороговорки, как и сказки и загадки, пользовались большим вниманием собирателей. Поэтому материалов по этим трем жанрам детского фольклора имеется в достаточном количестве.

Взрослые стремились воспитывать в детях любознательность, остроумие, находчивость, наблюдательность, смекалку. Развитию этих черт немало способствовали **загадки.**

Загадки обычно задавались детям во время коллективной работы, которая могла выполняться сидя. Например, во время очистки кочанов кукурузы или подобной работы. Да и вообще большую часть сказок, присказок, забав, небылиц, скороговорок взрослые сообщали детям в процессе труда (или во время перерыва в работе). Во-первых, у трудового человека, видимо, мало оставалось времени для специального рассказывания. Во-вторых, и это главное, воспитание должно было происходить незаметно для самих воспитуемых. Тем, очевидно, и объясняется успех народной педагогики, что она никогда не была навязчивой. Дети не любят, когда что-либо делается явно для их «воспитания», они всегда противятся этому.

Детские загадки по своему содержанию и форме близки детям, в них упоминаются те предметы, с которыми они ежедневно сталкиваются:

1. Нырцә дыргу-дыргу, аарцә дыргу-дыргу (Агара).
2. Абнашћа ианцо — аҩныћа ахы хоуп аҩныћа ианааya — абнашћа ахы хоуп (Аџьма атәыҩа).
3. Ҧшьҩеишьцәак гуаҩакы еиҵтахысуан (Ажә акыкақуа).
4. Хьнҧшьа хучы нахурхур (Аћуџьал ахҩа).
5. Кылаара кылҷҷара укылҧшны иузыҧхьаӡо (Аеҵәакуа).
6. Ҧшьеишьцәа хылҧакы рхоуп (Ҧшькуакь ахыбра).
7. Ҩыры-ҩры куаҵеимырћьа (Ашәакь абжьы)[68].

1. С этой стороны дыргу-дыргу,
   с другой стороны дыргу-дыргу (Люлька).
2. Когда идет в лес направлены на дом, а когда возвращается домой, направлены в лес. (Рога козы).

[68] Записано со слов Ж. Ш. Агрба, с. Куланурхва Гудаутского района, 17.I.72 г.

3. Четверо братьев стреляют в одну ямку. (Вымя).
4. (Текст труднопереводим).
5. Ослепительно блестит, посмотришь, но не сосчитаешь. (Звезды).
6. Четверо братьев в одной шапке. (Кровля).
7. (Не переводится).

Ребенок не может не обратить внимания на такие вещи, как рога козы, обращенные назад, или люльку, которая сопровождала детство почти каждого ребенка, так как в семье обязательно бывали младшие братья и сестры; глиняный горшочек, в котором варили фасоль, и который всегда кипел у горячих углей очага, издавая звук хур-хур-хур, почему и «Хьыҧшьа хучы нахурхур». Если ребенок почему-либо еще не заметил той или иной особенности предмета или явления, такие загадки заостряли его внимание и развивали в нем наблюдательность.

Загадки имеют огромное познавательное значение. Причем метод познания, каким идет загадка, чрезвычайно близок ребенку. Это игра в парадокс, логические сдвиги. Это ответы на вопрос — откуда предмет? Это ответы на вопросы детей — зачем это нужно? Это любимое детьми определение предмета через звукоподражание.

Среди разновидностей детского фольклора особое место занимают стишки-небывальщины, или, как их называет К. Чуковский, «перевертыши» («Ићамлац-ићамлаша. Дети очень увлекаются этой разновидностью детского фольклора. Их тяготение к ним объясняется психологическими особенностями данного возвраста. Ребенок активно познает мир. Часто сталкиваясь с незнанием того или иного явления, он иногда теряет уверенность в себе, без чего ему бывает трудно. Чтобы вселить в себя уверенность, укрепить ее в себе, ребенок любит упражнять свою логику тем, что смещает обычную связь предметов. К. Чуковский пишет, что «мир, где безногие бегают, а вода горит, а трава поедает коров, нужен ребенку, так как он тренирует его логику»[69].

В абхазском фольклоре есть замечательные образцы этого вида поэзии. Например:

[69] К. Чуковский. Указ. раб., с. 88.

Сан даниз Мгуашырху
сыҟан,
Цьмаки бызныжәаки срыцын.

Анаҟу амца акырҳәа
сшәаны,
Иласырцәаразы атәа
сырхуан.[70]
(«Иҟамлац — иҟамлаша»)

Когда моя мать родилась,
я был в
Мгуширхве (название горы в
Абхазии)—
Пас козу и козленка.
Испугался, что туман
загорится, и
косил, чтобы сеном затушить
пожар
(«Чего не было, и не будет»).

Чем ощутимее нелепица, тем охотнее повторяет ее ребенок. Произнося эти нелепицы, ребенок отчетливо видит и понимает истинное сочетание вещей, т. е. он никогда не утрачивает чувство реальности.

Этот вид поэзии любим детям еще и потому, что эта опрокинутость вещей очень юмористична. Нелепое сочетание явлений, предметов вызывает у ребенка веселый смех. Поэтому очень любимы детьми сказки-небылицы типа «Табун», «Свадьба отца», «Заяц в тыкве», «Коблух и черт», «Коза пастуха»[71] и т. д.

В сказке «Свадьба отца» главный герой взваливает на гуся сорок пудов кукурузы и везет на мельницу. Волк выгрызает у этого гуся бок, но герой оплетает хворостом выеденное место, и, как ни в чем ни бывало привозит муку на свадьбу своего родного отца. Когда на свадьбе отца кончилось вино, герой сказки оседлал двух стрекоз и помчался на нем в Гваду (село в Абхазии). Там он купил тридцать ведер вина, разлил в бурдюки и погрузил на стрекоз. Он их связал шлеей, примостился посредине, хлопнул в ладоши — стрекозы понеслись, и скоро они были дома.

Мир сказки, где на гусях можно ездить на мельницу, а на стрекозах возить бурдюки с вином, безусловно, очень привлекателен для детей.

Сказка «Табун» интересна не только смещением привычных понятий, опрокинутостью реальных связей, но и тем, что в ней ярко выражены индивидуальные особенности самого сказителя: это балагур и отчаянный враль,

---

70 Абхазская народная поэзия, 1972, с. 130.
71 Абхазские сказки (на русском языке). Сост. Х. С. Бгажба, Сухуми, 1974, с. 299—303.

хвастун и непревзойденный рассказчик, иначе эту сказку невозможно донести до слушателя.

«Был у меня большой табун, — сообщается в сказке. — Раз в жаркий день я выгнал лошадей на водопой, а сам спокойно вернулся домой... Долго я ждал, когда появится табун, но не дождался. Кинулся к берегу — нет лошадей. Посмотрел туда, сюда, поискал кругом — не видать. Что тут делать?». Воткнул он посох-алабашу, влез на него, осмотрел берег — нет табуна. Потом он втыкает в алабашу кинжал, взбирается на его рукоятку — нет табуна и т. д. Он втыкает в рукоятку кинжала нож, затем в рукоятку ножа шило, взбирается на него и видит свой табун далеко у моря.

«Выдернул я шило из ножа, нож из кинжала, кинжал из алабаши, алабашу из земли и побежал к табуну, — рассказывается далее. — Вижу: мои лошади топчутся у берега на самом солнцепеке и, умирая от жажды, лижут лед. Попробовал я разбить лед ударами алабаши, но не мог. Тогда я сделал из своей головы деревянное било — «акалакут», размахнулся им изо всех сил и пробил лед. В прорубь хлынула морская вода».

Привлекательна для детей и форма сказки: цепная связь предметов — шило из ножа, нож из кинжала, кинжал из алабаши и т. д. — заостряет внимание ребенка, вызывает желание запомнить эту последовательную связь предметов. Принцип постепенного нарастания и ритмической череды событий и предметов хорошо доходит до ребенка и дает нужный эффект.

Такие абхазские сказки-небылицы, как «Коблух и черт», не только тренируют детскую логику, но и развивают в них остроумие и находчивость.

Как-то на дороге встретились Коблух и черт.

— Что нового на свете, Коблух-краснобай?

— А вот, говорят, комариную ляжку не смогли съесть восемь собак.

Черт. Вероятно, это были махонькие собаки.

Коблух. Нечего сказать — махонькие! Они съедали орлов, садившихся на вышку княжеского двора.

Черт. Ну так, видно, орлы были крохотные.

Коблух. Что ты, какие крохотные? Когда они садились на верхушку дворца, то крыльями касались земли.

Черт. Что ты врешь! Или, может быть, дворец был низенький.

Коблух. Ничуть! Разве скажешь, что дом низенький, если в его кладовой можно уместить восемь верблюдов с кладью.

Черт. Тогда, выходит, верблюды были карликовые.

Коблух. Ничего подобного! Верблюды были такого роста, что срывали листья с верхушки чинар.

Черт. Значит, чинары были низкорослые.

Коблух. Как низкорослые? Когда мой брат глядел на их вершины, с его головы спадала папаха.

Черт. Ну так брат твой был с ноготок.

Коблух. Что ты, он был такой рослый, что, запустив руку в колодец, доставал со дна камни.

Черт. Что ж такого, если колодец был совсем неглубокий.

Коблух. Он был очень глубокий. Если рано утром бросали в него камень, то он лишь вечером достигал дна.

Черт. А может быть, день был короткий?

Коблух. Ничуть! Корова, погулявшая с быком утром, возвращалась вечером домой с теленком (перевод не передает точного звучания этой фразы, по-русски звучит грубо).

Черт. Ну, Коблух, признаюсь, мне тебя не перемудрить, ты меня за пояс заткнул.

Эта небылица чрезвычайно популярна в детской среде. Она привлекает их необыкновенной находчивостью и остроумием, которые не по плечу и самому черту, она поражает их своей необычностью, и в то же время покоряет железной логикой. Ребенок учится через эту череду явлений узнавать их соотношение и сравнительную величину.

Сказка эта стоит несколько в стороне от других тем, что в ней нет той нарочитой смещенности реальных связей, которой отличаются обычные небылицы. Ее необычность заключается в находчивом преувеличении предметов и явлений с целью победить черта в словесном поединке.

Небылицы-перевертыши, распространенные у многих народов, в основном схожи между собой, но имеют свои особенности не только в этнографическом плане, но и в структурном.

Например, в русском народе небылицы-перевертыши носят в основном стихотворную форму.

Облоухая свинья
На дубу гнездо свила
и т. д.

В Англии этот вид детского фольклора называется Lopsy tyrvy rhymes — буквально: стихи вверх дном. Этот термин переведен К. И. Чуковским как «перевертыш» и введен, как уже указывалось в русскую фольклористику и детскую литературу.

К. И. Чуковскому мы обязаны в этой области не только тем, что он нашел удачный термин для этого вида детского фольклора. Среди его блестящих переводов из английской народной поэзии мы находим переводы английских стихов-перевертышей, таких, как «Дженни», «Курица», «Храбрецы», «Скрюченная песня».

По своей занимательности и воспитательным функциям этот вид детского фольклора занимает весьма важное место в системе народного воспитания. Его искрометный юмор способствовал воспитанию многих здоровых, жизнерадостных поколений.

В наше время на этом материале созданы замечательные образцы детской поэзии, и первые опыты в этом направлении сделаны тем же К. И. Чуковским. Им написана непревзойденная поэма-перевертыш «Путаница», на которой воспитывались и продолжают воспитываться многие поколения советских людей.

На основе детского мироощущения лежит живое, радостное восприятие жизни. Нормально развитый ребенок всегда оптимист. Изучение детского фольклора приводит нас к убеждению, что основное в нем юмор. Все эти игры с пальцами, потешки, прибаутки для совсем еще маленьких детей призваны к жизни желанием взрослых рассмешить, развеселить их, поднять тонус. Фольклор более старших детей тоже зиждется на шутке: считалки, дразнилки, перевертыши.

Сказка для детей особо любимый, особо увлекательный жанр устного народного творчества. Кто в детстве не был очарован ее волшебством, ее всепобеждающим оптимизмом! Кто с замиранием сердца, затаив дыхание,

не совершал вместе с героем необыкновенные подвиги во имя добра и справедливости.

Сказки содержат в себе благодатнейший воспитательный материал, ибо они, как ни один другой жанр устного народного творчества, впитали в себя идеологические и эстетические вкусы трудового народа. В сказках всегда добро побеждает зло, положительный герой одерживает победу над отрицательным во имя торжества справедливости.

Сказки о животных особо любимы детьми уже потому, что в них животные разговаривают. Дети любят фантазировать, но в фантазии своей отталкиваются от действительного, конкретного положения вещей. В. И. Ленин писал: «Во всякой сказке есть элементы действительности; если бы вы детям преподносили сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться»[72].

Ребенок сам философ и художник, а потому достаточно назвать предмет, и предмет превратится в детском мозгу в существо одушевленное, живущее приблизительно той же жизнью, что и ребенок, стало быть умеющее радоваться и страдать.

В сказках о животных звери, птицы, насекомые живут, страдают, радуются точно так же, как и их маленький слушатель.

В абхазской сказке «Лиса и воробей» коварную лисичку сумел перехитрить воробей. Ребенок с замиранием сердца следит за ходом сказки: вот слабую маленькую птичку ловит такой сравнительно большой и притом хитрый зверь, как лисица. Казалось бы, чего ждать — конечно же, лисица сейчас проглотит ее. Ребенок уже готов заплакать, но... воробей спасается хитростью.

Воспрявший духом слушатель с большим интересом следует за сказкой и вот уже вместе с лисицей весело смеется над незадачливыми братьями.

С большим сочувствием следят дети за заблудившимися в лесу теленком, козленком и ягненком («Козленок, ягненок и теленок») тем более, что это их повседневные спутники и друзья. (Разве бывает такой крестьянский двор, где не паслись бы и не резвились вместе с детьми эти маленькие симпатичные животные). Народ в

[72] В. И. Ленин. Соч., том 27, 4 изд., с. 79.

случаях не ошибается — адрес точный, эта сказка детская, вполне соответствующая вкусам и интересам маленького слушателя.

Сколько радости и смеха вызывает у детей свалившийся с дерева теленок, напугавший до смерти таких больших зверей, как медведь, волк и лисица!

Дети сочувствуют слабому, беззащитному существу не только потому, что сравнивают себя с ними, подсознательно ставят себя в их положение, а из чувства справедливости — добро должно победить зло!

Этиологические сказки увлекают детей потому, что они связаны с их неистощимой любознательностью. Говорят, дети задают в день десять тысяч вопросов. И это, наверное, правда, так как ребенка интересует все: почему трава зеленая, а земля черная? Почему ежик колючий? Почему деревья качаются? И так — бесконечное множество «почему», причем вопросы могут быть самые неожиданные: «Где я был, когда меня не было?».

Современных детей в таких сказках, как «Летучая мышь, колючка и зимородок» интересует поэтическая сторона сказки, они уже, конечно, понимают что не потому летучая мышь летает вечером, что боится заимодавцев, а колючки цепляются за платье, чтобы найти утерю, и не для того ныряет зимородок, чтобы найти утонувшую ношу. Однако в свое время они, очевидно, были прекрасными поэтическими ответами на множество «почему», которые во все времена и эпохи задавали дети взрослым. Разве не интересно узнать почему у ласточки такой оригинальный хвост? Или же: почему жук жужжит, а змея питается лягушками («Ласточка, жук и змея»).

Сказка «Гостеприимная зорянка» отображает преклонение перед древнейшей святыней, какой для абхазского народа является гостеприимство. Маленькая птичка зорянка, не найдя чем накормить гостей, с горя (а большего горя не может быть у хозяйки или хозяина) пытается перерезать себе горло. Подоспевшие гости спасают зорянку, она успевает лишь чуть-чуть надрезать себе горло. Вот почему и называют ее красногрудкой.

Такие сказки как нельзя лучше воспитывали в детях уважение к обычаям своих предков, заставляли преклоняться перед ними.

Очень увлекательны для детей так называемые цепные сказки. С нарастанием событий действия главного лица все время повторяются с цепной последовательностью. Это и увлекает маленького слушателя и забавляет. Сказка «Куриный желудок» забавна для детей еще и потому, что в ней дается очень эмоциональное звукоподражание «куамачама» (т. е. «съел»). По своему построению эта сказка напоминает русскую детскую сказочку «Колобок», с той разницей, что колобок старается уйти от встречных, а куриный желудок сам съедает всех, попадающихся на пути: «Старика и старуху куамачама (съел), гостя куамачама, одного встречного куамачама, двух встречных куамачама, трех встречных куамачама, десять молодцов куамачама, двадцать всадников куамачама и вас куамачама!».

Сказки о животных не только забавляют детей, они несут на себе большую воспитательную нагрузку. Почти каждая из них содержит в себе ту или иную мораль. Но народ в своем нравоучении не навязчив. Мораль в сказке никогда не бросается в глаза, не выпирает на передний план. Это объясняется, во-первых, высокой художественностью сказки, во-вторых, учетом возрастных особенностей аудитории, в третьих, знанием вкусов и запросов детей.

Сказка «Две мыши» кончается откровенным нравоучением: «Никогда не дружите с чванливыми, завистливыми и коварными». Но этому нравоучению предшествует такое захватывающее повествование, такая интересная, полная юмора деталь, как приветствие мышки кошке — «Укинчара, сикинчара, хурма-саки гуу!» (звукоподражательного характера бессмыслица) — и такой же интересный ответ кошки: «Гурмасти сирмасти, махамадла мадлапсирири!» — что оно, естественно, как само собой подразумевающееся воспринимается детьми.

Сказки для маленьких отличаются простотой сюжета, его однолинейностью. Язык такой сказки обычно прост, динамичен и эмоционален. Детские сказки изобилуют динамическими глаголами: лиса **бежит**, дрозд **летит**, куриный желудок **катится, глотает**, теленок **падает** с дерева, звери **разбегаются** и т. д.

Звукоподражания, повторы, красочные имена, прозвища являются неотъемлемыми деталями ребячьей

речи. Неотделим от детской сказки и юмор. Куриный желудок всех глотает, должно быть страшно, но несоразмерность куриного желудка с тем, что он поглотал, вызывает смех. Смешно, когда теленок падает с дерева, но еще смешнее, что от него в панике бегут такие звери, как медведь, волк, лиса.

«У ребенка вообще есть великая потребность смеяться, — пишет К. Чуковский, — и эту потребность с большим мастерством удовлетворяет народная детская сказка».

Но детская сказка должна быть не только смешной, но и страшной. Как ни странно, дети любят страшные сказки, конечно, с условием, что конец будет добрым. И действительно, смеху всегда предшествует некоторая драматическая напряженность: лиса собирается съесть птичку, козленок, ягненок и теленок блуждают в страшном лесу и их хотят съесть дикие звери и т. д.

«Элементарность сказки, ее предельная простота, это повторение «и-и-и», односложность вопросов и лаконизм ответов — все это подтверждает, что сказка — ребячья и бытует действительно в ребячьей среде»[73], — пишет большой знаток детского фольклора М. Рыбникова.

---

[73] М. Рыбникова. Указ. раб., с. 157.

ГЛАВА II

ТВОРЧЕСТВО ДЕТЕЙ

Основным разделом детского фольклора является творчество самих детей. К сожалению, недостаточность материала и неопределенность разновидностей абхазского детского фольклора не дает нам возможности осветить этот широкий по своему диапазону и яркий по своей эмоциональной окраске материал.

Как известно, у детей приблизительно с 3—4-летнего возраста начинается творческий период. Причем, особенностью детского творчества является то обстоятельство, что создают они свои «творения» в движении. «Творчество требует от него (ребенка) слишком высоких подъемов души; только прыгая, визжа и махая руками, он умеет создавать свои поэмы»[74], — пишет К. Чуковский.

Этим и объясняется динамизм детских стихов.

Изучив в совершенстве детскую психику и быт детей, К. Чуковский отмечает четыре особенности детского творчества.

Первая—отмеченная выше, их динамизм. Второй особенностью является то, что, рождаясь в результате прыжков и подскакиваний, стихи эти обычно повторяются по нескольку раз. Поэтому они обычно коротки и в этом их третья особенность. «Детское стихотворство, — пишет К. Чуковский,—признак избытка играющих сил. Печальный, хилый или сонный ребенок не создаст ни одного стиха»[75].

Как всякие стихи, порожденные пляской, эти стихи часто бывают заумными, т. е. лишенными смысла, и в этом их четвертая особенность.

---

[74] К. Чуковский. Указ. раб., с. 104.
[75] Там же, с. 106.

Период, когда ребенок учится говорить, с года и до 5 лет, является самым активным периодом развития его сознания. Мозг ребенка проделывает колоссальную работу по усвоению огромного количества понятий, грамматических форм и повторений. Л. Н. Толстой писал: «Разве не тогда я приобрел все то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и одной сотой доли того? От пятилетнего ребенка до меня — только шаг. От новорожденного до пятилетнего — страшное расстояние»[76].

В этом возрасте дети с большим энтузиазмом занимаются словотворчеством типа «заключи» (т. е. закрой на ключ), «украдник» (вор), «всехин» (принадлежащий всем) и т. д. Все, кто имел возможность наблюдать развитие 2—3-летних детей, знают эту детскую особенность. Только остается жалеть о том, что, как правило, ни родители, ни другие лица, близкие к детям, не ведут записей, которые могли бы оказать огромную помощь в изучении детской психики и особенностей ее развития.

Словотворчество детей является результатом того, что дети активно изучают речь взрослых, а не просто подражают им в произнесении того или иного слова. «Ребенок овладевает языком, творя его, — пишет К. Чуковский. — Тот никогда по-настоящему не научится своему языку, кто не был в детстве сам его творцом, кто не доработался, не дострадался сам до его окончательных форм»[77]. Вот почему ребенок, до 5 лет не говоривший на родном языке, потом уже никогда по-настоящему не овладевает им, даже при активном его изучении.

В этот же период дети подсознательно рифмуют отдельные слова: галка—скалка, палка—мочалка, у кошки четыре ножки и т. д. Трехлетний мальчик, услышав от матери фамилию Инаӆшь, моментально срифмовал: Инаӆшь-хэынаӆшь! Чему мать немало удивилась, т. к. никто из окружающих не мог сказать этого.

К. Чуковский считает, что ребенок использует рифму не для украшения речи, а для облегчения ее. «При его неразвитом голосовом аппарате, — пишет он, — ему

---

[76] Л. Н. Толстой. Первые воспоминания (из автобиографических заметок). Полн. собр. соч., т. I, с. 320, 1912 г.
[77] К. Чуковский. Указ. раб., с. 32.

значительно легче произносить схожие звуки, чем разные»[78].

В стихах важнее всего для ребенка ритм и рифма, почему большинство детских стихов отличается четким ритмом и совершеннейшей рифмой. Поэтому среди детей очень распространены игры на ритмичность. В абхазском детском фольклоре есть очень интересная в этом отношении игра: ребенок брал заостренный предмет и, быстро в такт постукивая им по песку (или ножом по доске), приговаривал:

Сара исҳәаргьы — жәоху,
Уара иуҳәаргьы — жәоху,
Изҳәалакгьы — жәоху,
Ҩажәыжәаба жәоху!

Скажу ли я — пятнадцать,
Скажешь ли ты — пятнадцать,
Кто бы ни сказал—пятнадцать,
Всего тридцать и пятнадцать
(т. е. сумма всех названных в трех строчках чисел).

В результате на песке оставалось пятнадцать точек, что и требовалось доказать.

Игра эта способствовала развитию у детей слуха и ритма. Не всем удается оставить на пееке пятнадцать точек, при малейшем нарушении ритма, выходит не то число. Сложность этой игры заключается в том, что играющий должен с точностью отсчитывать не только размер самого стиха, но и паузы так же, как в музыке. А так как дети в таких случаях упорны в достижении цели, они играют до тех пор, пока не получится нужный результат.

Подобная же игра есть и в русском детском фольклоре, только со счетом 16:

Рублю, рублю топором,
Вырублю шестнадцать.
Кто не верит, пусть проверит —
Все равно шестнадцать!

Творчество детей, как уже отмечалось выше, имеет иногда ту особенность, что в нем изобилует рифмованная бессмыслица. Трудно сейчас сказать, были ли эти слова всегда бессмысленны. Возможно, что они когда-то были преисполнены смысла, но со временем утратили его или

[78] К. Чуковский. Указ. раб., с. 160.

до нас дошли до нас в искаженном виде. Выше, говоря о материнской поэзии, мы отмечали, что маленьких детей увлекает не столько содержание, сколько музыка самого стиха, его ритм, эффективные звукоподражательные сочетания. Детей более старшего возраста тоже увлекают звуковые эффекты, ритм, рифма. Можно и сейчас наблюдать, как дети в угоду рифме искажают слово, а когда поправляешь их, говорят: «Ну и пусть неправильно, зато складно!».

Тяготение детей к рифмованной бессмыслице. К. И. Чуковский объясняет их повышенной эмоциональностью, т. к. восторг детей во время их подскакиваний и подпрыгиваний далеко выходит за пределы человеческих слов. В подтверждение этого он приводит случай, когда маленький мальчик у него на глазах сочинил вполне осмысленные строчки и тут же превратил их в бессмыслицу: «Эку пику дядя дал! Эку пику дядя дал!» — радостно выкрикивал мальчик, показывая ему какую-то тоненькую тростиночку. Но восторг мальчика был, очевидно, настолько сильным, что выходил за пределы человеческих слов. Поэтому через минуту эти же две строчки зазвучали так:

«Экикики диди да! Экикики диди да!».

«То, что случилось у меня на глазах с одним импровизированным детским стихом, происходит в течение веков со многими народными песнями, бытующими в обиходе детей»[79], — пишет К. И. Чуковский.

Развивая эту же мысль, он пишет, что в английском детского фольклора сохранились слова из давно позабытого кельтского языка[80].

Немало в детском быту стихов и песен, которые не связаны с определенным назначением, как, скажем, считалки или песни-обращения. Они поются, скандируются детьми в любой обстановке. Такое четверостишие, например, как «Белый петух» («Арбаҕь шкуакуа»), хотя бы просто по своей ритмической соразмерности, может быть, употреблено ребенком и в качестве считалки:

[79] К. Чуковский. Указ. раб., с. 109.
[80] Там же, с. 110.

Арбаҕь, арбаҕь, арбаҕь шкуакуа,	Петух, петух, петух белый,
Иафеит ачкун ситцырҟуакуа,	Съел у мальчика мамалыгу с молоком,
Ачкун дцəыуо иан лахь ддəыкулеит,	Мальчик с плачем пошел к матери,
Арбаҕь гурҕьо атцла икулеит![81]	А петух с радостью взлетал на дерево!

Такие стихи и песни часто создаются детьми по аналогии с традиционным фольклором. Видно, что вышеприведенное четверостишие и по форме и по художественному образу перекликается с традиционной потешкой «Ци-ци ква-ква»:

сравните:

Ци-ци, куакуа, махари цьаҧьа,
Хартцəи-быстеи ситцырҟуакуа
Арбаҕь, арбаҕь, арбаҕь шкуакуа,
Иафеит ачкун иситцыркуакуа.

Говоря о детском творчестве, нельзя не упомянуть об изобретательности детей в использовании традиционного фольклора в новой форме. В этом отношении интересна игра, предназначенная для младшего школьного возраста.

Дети становятся в ряд, держа друг друга за рубашки (платья). Затем идут друг за другом в таком же порядке и поют:

Ҷири-ҷири, ҟуарт-ҟуарт,	Ципа, ципа, квох-квох,
Ҷири-ҷири, ҟуарт-ҟуарт,	Ципа, ципа, квох-квох,
Цызаҧəы, хапинари Зыху!	Однозубый хапина Дзыху!

При этих словах садятся в кружок, выставляют пальчики и считают (пальцы выставляются лучеобразно к определенному центру):

Ҩына-ҩына
Ҩаҧа-ҩаҧа,
Ҩаҧа рашəа,
Саун Дыка,

81 Записано Н. З. Тарба со слов Заура Мирцхулава, 40 лет, с. Дурипш, 4.XI.77 г.

Дыка ԥшʒа,
Шарубат,
Шхангери
Кыуача! (не переводится)

выходят по-одному, а потом играют в прятки

(«Ҷьит» ҟарҧоит![82]

Бессмысленные сочетания особенно характерны для считалок. Считалки составляют особый вид детского фольклора и играют большую роль в быту детей. Они сопровождают почти все игры.

Когда-то они, безусловно, были разнообразны и многочисленны. Сейчас же нам удалось пока что записать лишь несколько вариантов одной и той же считалки.

Первый вариант	Второй вариант
Ҩына-ҩына,	Ҩына-ҩына,
Ҩаҧа-ҩаҧа,	Ҩаҧа-ҩаҧа,
Ҩаҧа рашəа	Шеи Дыка,
Саун Дыка,	Дика лашəа,
Дыка лхаҧа,	Шахангери
Шалабат,	Кыуача![84]
Шахангери,	
Кылаҧəа![83]	

Третий вариант	Четвертый вариант
Ҩына-ҩына,	Ҩына-ҩына,
Ҩаҧа-ҩаҧа,	Ҩаҧа-ҩаҧа,
Ҩаҧа ршəшəа,	Ҩаҧа рашəа,
Ҷьынҷьаука,	Саун Дыка,
Уаха — сака,	Дыка ԥхʒы,
Саун Дыка,	Ҷьоумлат,
Дыка лхаҧа	Хəах-шах
Шаабат,	Баҭаныкьы,
Шахангери,	Баҭаршах![86]
Кыуача![85]	

82 Записано со слов М. Гумба, 60 лет, г. Гудаута, 17.VIII.72 г.
83 Записано со слов Н. Лакоба. Сухуми, 17.II.72 г.
84 Записано со слов Н. З. Тарба, 38 л., Сухуми, 9.I.72 г.
85 Записано со слов Агрба В. Б., Сухуми, 17.I.72 г.
86 Записано со слов Т. Т. Отырба, Сухуми, 8.II.72 г.

Все они в основном заумного содержания, но в них вкраплены и слова, не лишенные смысла.

Среди этих считалок, существующих во множестве вариантов, встречаются и с относительно четким смыслом, относящиеся очевидно к более позднему времени, например:

Ина — ина,	
Ҩаҧа-ҩаҧа,	
Ҩаҧа рашәа,	(звукоподражание)
Саландыка	
Дыкаҧхаҵа.	
Куараҧ — чараҧ	
Чарубет,	(не переводится)
Ҳаир Пҧара	У Хаир Пары
Чара имоуп,	свадьба,
Ашәха Никуа	Ашхва Никва —
	(имя и фамилия)
Пҧынҵа куара	Нос-ручей,
Иабҧьар пҧымҟьеит	Не выстрелило ружье
Биҧьар Куаста. Вира![85]	у Биджар Квасты.
	(фамилия и имя)
	Вира! (концовка)

Считалки требуют от считающего абсолютной ритмичности, т. к. при малейшей ошибке может пострадать один из участников игры, чего обычно дети не прощают. Этим и объясняется четкий ритм всех считалок.

Считалки представляют собой интересный материал не только с педагогической точки зрения, но и с языковой. В силу детской приверженности к рифмованным бессмыслицам в них сохранились такие языковые окаменелости, которые дети многих поколений сумели пронести через века. Чтобы не быть голословным, приведем несколько примеров наиболее характерных. Из вышеприведенных текстов считалки «Ҩына-ҩына, ҩаҧа-ҩаҧа» видно, что она часто кончается словами «Кауаҷа», «Кыуҷа», или «Кылаҵәа». На абхазском языке сейчас это бессмыслица, как и многое в считалке. Однако значение этого слова сохранилось в абазинском языке, правда,

[87] Записано со слов Сырмы Мдышовны Цвижба, 55 лет, с. Члоу Очамчирского района, 6.X.73 г.

оно уже не входит в активный словарь языка и представляет собой архаизм. Значение этого слова нам удалось найти в приложении к «Абазино-русскому словарю», что и цитируем здесь: суффикс «уачва» является антонимом суффикса «хв»; образует прилагательное, показывающее, что действие, выраженное производящей основой, сопряжено с трудностями. Например:

К/ра	— держать
К/ыуачва	— неудержимый
Бжьара	— воспитывать
Бжьауачва	— трудновоспитуемый
Чх/ара	— терпеть
Чх/ауачва	— невыносимый[88].

Стало быть «кыуача» означало когда-то «неудержимый», но в нашем языке этого слова уже нет и сохранилось оно в считалке, утратив свое смысловое значение. На кого это слово попадало — выходил, и он считался неудержимым, неуловимым, быстрым.

Далее, в одной из грузинских считалок есть слово „მალალურიფხე“.

Поскольку значение этого слова непонятно современному читателю, в сноске дается пояснение: მალალურიფხე — მოლალურის ქალი, т. е. дочь иволги.

Как уже было сказано выше, считалки являются наиболее древним видом детского фольклора и поэтому в древности этого слова сомневаться не приходится.

Слово «апха» на абхазском языке значит «дочь». В активном словаре грузинского языка такого слова нет. Однако нельзя не отметить тот факт, что в мегрельском языке в девичьей фамилии приращивается суффикс „ხე“. Например: ჯიჯილავა — ჯიჯილახე, აბშილავა — აბშილახე,

Тот факт, что суффикс („ხე“) («хе») приращивается именно к фамилии лиц женского пола, причем именно к девичьей фамилии, дает нам основание думать, что это «хе» („ხე“) не что иное, как абхазское «пха» — Иналҧха, Хаш-ҧха, Агыр-ҧха, и т. д.); причем звук «п» с течением времени выпал и осталось «хе» (ხე). Слово же „მალალურიფხე“, сохранившееся в грузинской считалке,

[88] Абазино-русский словарь. М., 1967, под ред. Тугова В. Б., с. 494.

лишний раз подтверждает вышеизложенную мысль, т. к. суффикс дан полнее — „ფხე“.

Небезынтересно отметить, что в абхазских считалках очень много общего с черкесскими считалками. Приведем для сравнения варианты из черкесских считалок:

I	II
Инэ-инэ,	Инэ-инэ,
Инэмыкъуэ,	Инэ-гъуанэ,
Мыкъуэ щхьэл,	Гъуана шоу,
Щхьэл къутэ,	Шон дыдж,
Къутэ роу,	Упхъашэ,
Вын дыдж	Сыпхъашэ,
Жьынду фIыцIэ,	КIэхъупIырэ![90]
Къыхьафт, хьафтыж![89]	

Нетрудно заметить, что «Ҩына-ҩына, ҩаҧа-ҩаҧа» звучит почти так же, как «Инэ-инэ, инэ чъуана», а также чувствуется, что черкесское «Шон дыдж» и абхазское «Шон дыка» одного происхождения, но точно сказать, откуда эта схожесть, трудно. Можно предполагать, что она идет еще с тех времен, когда наш язык был единым, или же это можно объяснить взаимовлиянием абхазского и черкесского языков. Ведь приняли же абхазские дети русскую считалку «Еники-беники ели вареники...» и по незнанию языка исказили до неузнаваемости:

«Еиники-беники
Сукаданей,
Абыр-фабыр
Куманей и т. д.»

Абхазское «ҩына-ҩына» и черкесское «инэ-инэ» имеют бесконечное множество вариантов и чувствуется, что каждый взращен на своей родной почве. Что интересно, некоторые абхазские информаторы (например, писатель Мушни Микая) утверждают, что и некоторые абхазские считалки начинаются с «Ина-ина».

Считалка относится к детскому творчеству, ибо многое в эту древнейшую словесную формулу внесено детьми.

[89] Записано со слов Ф. М. Кмузовой, 60 лет, Сухуми, 1.III.72 г.
[90] Гуси-лебеди. Указ. раб., с. 15.

Считалка, как считает В. П. Аникин[91], берет свое начало от жеребьевки-пересчета, с которой в древности начинался любой промысел (охота, рыболовство и т. д.). С помощью пересчета распределялись роли и места ловли, участки охоты и т. д.

В силу своих анимистических воззрений людям в древности приходилось скрывать свои действия и мысли от окружающей их природы. Поэтому, люди, занимающиеся каким-либо промыслом, пользовались секретным языком. Так у охотников-абхазов был специальный охотничий язык, на котором они говорили на охоте[92]. Иногда жеребьевка-пересчет представляла собой простой счет: один, два, три, четыре и т. д., кончающийся выходом.

В силу секретного языка этот счет переиначивался и звучал так: андзы, двандзы, триндзы и т. д. Этим и объясняется, как считают ученые, то явление, что многие детские считалки начинаются с заумного счета. Много в детских считалках с современной точки зрения бессмысленных слов. Это явление также считается отголоском секретного языка.

Так как дети в своих играх и развлечениях в точности копируют взрослых, то и неудивительно, что взрослый пересчет перешел к детям. Прошли столетия, взрослые давно уже забыли подобный способ распределения ролей в своей деятельности, а в детской среде пересчет превратился в считалку, и ни одна игра не обходится без нее.

Композиция почти всех считалок в основном одинакова. Они состоят из трех частей: зачина, хода и выхода. Зачин чаще всего представляет собой простой счет. В русских считалках, например: один, два, три и т. д.

десять

(Далее идет ход)

Выплывает ясный месяц.

Выход чаще всего состоит из таких слов:

«Вышел, шишел,
Пошел вон!»

или

Родивон, поди вон!»

[91] В. П. Аникин. Указ. раб., с. 117.
[92] Ш. Д. Инал-ипа. Указ. раб., с. 115.

Иногда в конце считалки стоят такие звучные слова, на которые падают ударения: лоп, бух, кноп и т. д.

Не всегда зачин начинается со счета, иногда он состоит из обращения:

Утя, утя, не летай,
Сиди дома, работай...

Абхазская считалка также состоит в основном из слов, которые для современного читателя не имеют смысла.

Характерно, что все абхазские считалки начинаются со слов

Можно предположить, что

— «Ԥына-ԥына, ԥаԥа-ԥаԥа»,
или
«Ина-ина, ԥаԥа-ԥаԥа».

Так что: Ԥына-ԥына,
Ԥаԥа-ԥаԥа

вполне можно считать зачином считалки. Следующие за этим зачином слова всегда разные, если не считать, что «Саун Дыка» всегда во всех вариантах присутствует. В конце почти всех вариантов этой считалки стоит слово «Қыуаҷа или «Қыуаҷа», которое и является выходом типа выхода русских считалок «вышел вон», «пошел вон» и т. д., что означает неуловимый, неудержимый.

Ԥына-ԥына,
Ԥаԥа-ԥаԥа

представляют собой искаженный счет, т. к. в слове «Ԥына» содержится корень слова «два» — «Ԥ». Но это весьма приблизительно, т. к. более веских доказательств пока не найдено.

Термин «детская сатирическая лирика» принадлежит Г. Виноградову. Он охватывает собою дразнилки, издевки, подвохи, заманки и т. д.

Дразнилки представляют собой чаще всего четверостишия, в которых высмеивались детьми имена, физические недостатки, национальная принадлежность, нравственные недостатки и т. д.

В русском детском фольклоре бытует множество дразнилок, связанных с именем:

или

Андрей-воробей,
Не гоняй голубей и т. д.,
Егорушка-коновал
Кошке ножку подковал и пр.
Акулина свысока
Задушила гусака и т. д.

Много дразнилок, связанных с именем и в грузинском детском фольклоре:

კოლა, კოლა,
კიტრის ტოლა,
შაკმაზნული
ვირის ტოლა.

или:

გლახა, გლახა,
დუდია ხახა,
ჭამა დიდი შეუძლია
მუშაობა არა.[193]

В то время как дразнилки с именем бытуют в огромном количестве как у русских, грузин и других народов, в абхазском детском фольклоре дразнилки с именами почти не встречаются. Есть единичные случаи высмеивания имени, но они нам кажутся заимствованными и поэтому не типичными для абхазского детского фольклора. Например, такие как Минас-хтапас (Минас — плоскоголовый) или Инаԥшь-ҳәынаԥшь (Инапш—мышьяк).

Эту особенность абхазского детского фольклора обуславливают некоторые ограничения в связи с произнесением того или иного имени у абхазов. Например, не принято запросто произносить имя любого пожилого человека, нельзя называть новорожденного, как это делается у многих европейских народов, именем отца, деда, матери, бабки и т. д. Невестки не имеют права произносить имена старших родственников мужа, так же, как и зять имен старших родственников жены.

В отношении имен в абхазской среде существовала и такая особенность—у детей обязательно два имени: одно детское, другое официальное. Бывали случаи, когда у человека было несколько имен. Например, невестке в доме мужа обязательно давали новое имя. И сама невестка должна была давать новые имена своим деверям.

---

[93] К. Сихарулидзе. Указ. раб., с. 89—90.

Так что имя играло особую роль в абхазской среде, и ему придавалось огромное значение.

В основе этих запретов и ограничений лежат древнейшие религиозные воззрения, которые можно проследить у многих народов.

В древности у всех народов с именем связывалось не просто слово, а часть самого человека, одна из его душ. Все европейские народы верили в свое время, что имя не только составляло часть человека, но являлось той именно частью, которая называется душой. Имя таким образом считалось одной из душ его обладателя, и чем больше имен имел кто-либо, тем большая сила ему приписывалась. Обладание тайным (т. е. подлинным) именем божества давало власть человеку над самим божеством. Очевидно, и наоборот, обладание божеством тайным именем человека давало власть над этим человеком, с чем и связана тайна настоящего имени человека и наречение его новым именем.

У народов Африки есть такой обычай: человеку, избежавшему явную смерть, дают новое имя для того, чтобы провести смерть, если она вздумает вернуться за своей добычей. Отголоски этих дервнейших воззрений сохранились в нашем народе.

Юмор и сатира занимают в быту детей едва ли не одно из первых мест в их словесном и игровом творчестве. Они используют их как средство, очищающее их среду от ябедничества, воровства, глупости, нерасторопности, тугодумия, безвкусицы и т. п. К тому же у детей есть склонность высмеять все некрасивое, если это даже и не зависит от его носителя.

Абхазские дети высмеивают, например, наголо стриженные или сбритые головы: покачивая лысую голову между ладонями, как это делают при просеивании муки ситом, приговаривают:

Лыхута, лыхута, Лыхута цьацьа	Сито, сито, редкое сито.
Лыхута цьацьа, Цьацьа лыхута, Калалут лыхута Цьацьа лыхута[94].	Сито, сито, редкое сито, Колотушка — сито.

[94] Записано со слов Гумба И., 60 лет, г. Гудаута, 17.VIII.72 г.

Плешивую голову высмеивают так:

Хҭабаа, хҭабаа Наникуара дыкуҵхурт!	Плешивый, плешивый, Наникуара помочился (на нее)!
или: Ахпаш, ахҧаш, Наникуара дыкуҵхурт,	Лысый, лысый, Наникуара... и т. д.
или: Хыцәҟуншьа хыцәҟуншьа, Наникуара дыкуҵхурт.	Очищенная голова, Наникуара голова и т. д.

Маленьких, еще не одетых, девочек, дразнили так:

Цицу еаҟьа, Ленкуа ыҙын дашьтоуп, Аҭыркуа Хасан Ихулҭра итажьуп![95]	Куку, бесштанная, Потеряла штанишки и идет, А они у Хасана-турка в огороде.

Кроме дразнилок, в детском быту распространены частоговорки. Это обыкновенные слова, если их произносить раздельно, но вся суть состоит в том, что какой-нибудь озорной, шустрый ребенок предлагает другому произнести их в быстром темпе, при этом получается что-нибудь смешное, а чаще нескромное. Задача в том, чтобы не попасть впросак и не сделаться посмешищем для своих товарищей.

К сожалению, записанный мной материал настолько непристоен, что я не имею возможности привести его здесь.

Кроме того, в детской среде бытуют всевозможные задачи, вопросы, озадачивающие замечания, которые развивают в ребенке наблюдательность, остроумие, находчивость. При неудачном ответе они вызывают веселый смех окружающих. Например, один ребенок задает другому такую задачу-вопрос: «Что ты хочешь, чтобы твоя голова была в семи местах продырявлена или солнцем испеченную лепешку. Неостроумный, ненаходчивый ребенок идет по линии наименьшего сопротивления и думает: зачем мне в семи местах дырявить свою голову, лепешка, конечно, лучше и говорит: «Лепешку лучше», чем навлекает на себя насмешки товарищей. Оказывает-

[95] Записано со слов Агрба Ж. Ш., с. Куланурхва Гудаутского района, 20.VII.1972 г.

ся, голова у него и так продырявлена в 7 местах (рот, уши, ноздри, глаза), а солнцем испеченная лепешка не что иное, как навоз (коровьи лепешки).

Особенностью дореволюционного детского фольклора почти всех народов является несколько грубая форма выражения, т. е. в нем часты нецензурные выражения, грубоватый юмор. Особенно это характерно для детской сатиры. В 1924 году Г. Виноградовым издана брошюра под названием «Детская сатирическая лирика», где он приводит огромное количество дразнилок, и не будет преувеличением, если сказать, что почти в каждой из них есть нецензурное выражение, замененное точками.

В этом отношении и абхазский детский фольклор не составляет исключения. Особенно в своей сатирической части. На любую придирку, поддразнивание, колкость есть готовый разящий ответ, но увы довольно грубый. Например, мальчик (или девочка) ударился об что-то или упал дразня товарища, тот ему тут же говорит:

Шьыри, шьыри,
Шьыри, шьыри!

Мальчик здесь же отвечает:

Шьына ... уыршьышьит!
т. е. Шьынино ... разотри!)

Или же один мальчик другого заставляет смотреть в разные стороны, а тот простачок и не сразу поймет, что его разыгрывают. Заставлявший смотреть, тут же говорит ему:

Инаҧшызгьы нааҧшызгьы ихупацэакгьы
... итоуп.

(То есть, все пять пальцев того,
кто смотрел в разные стороны в моем ...).

Юмор и сатира играли в детском быту огромную воспитательную роль, т. к. каждому из членов этого коллектива необходимо было быть все время начеку, чтобы не попасть впросак, держать наготове остроумный ответ. Все это развивало детей, делало их остроумными, находчивыми. Поэтому-то тугодумы, недотепы всегда были предметом насмешек и издевательств в детском коллективе. Дети подчас бывают даже жестокими по отношению к жертве, которую они выбрали предметом насмешек. Но, как нам кажется, эта жестокость результат нетерпимости здоровых, нормальных детей ко всякого рода отклонениям от нормы.

ГЛАВА III

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ДЕТЬМИ ИЗ РЕПЕРТУАРА ВЗРОСЛЫХ

§ 1. Обрядовая поэзия

Многое из того, что мы сейчас относим к детскому фольклору с самого начала было создано для детей и детьми. Многое же было заимствовано из взрослого репертуара. Так заимствована у взрослых популярная в народе «Медвежья песня» или иначе «Медвежья пляска» («Амышəрашəа», «Амышəкуашара».

Иаирума-шуҵьарума,
Иарма-ныҟуа ҟуареарума
Аан мана ҟуареарума,
Чаарымкыра ҟуареарума,
Шьапатума, ҟуареарума
Уҧа — сыҧа! Ҧаҟь — саҟь.[96]

(не переводится)

Песенка насыщена звонкими словами, повторами, в ней много звукоподражаний чисто «медвежьего» характера.

Думается, что «Медвежья песня» (или пляска) носила в древности ритуальный характер и была посвящена богу охоты Ажвепшаа (Ажəеиҧшьаа), однако по своей эмоциональности, ритмике она не могла не привлечь детей, и в более позднее время вошла в их развлекательный репертуар. Народный поэт Абхазии Б. В. Шинкуба, безошибочно уловивший, чем импонирует детям «Медвежья песня», по ее мотивам написал замечательную детскую поэму «Яйрума». По увлекательности сюжета, необыкновенной музыкальности стиха «Яйрума» являет-

[96] Абхазская народная поэзия, 1959, с. 282.

ся непревзойденным шедевром в абхазской детской литературе. Колоссальный успех поэмы у детей объясняется тем, что она по своей «детскости» языка продолжает лучшие традиции абхазской народной поэзии, чего нельзя сказать об абхазской художественной литературе для детей в целом, чем и объясняется бедность ее репертуара и невыразительность языка.

Нет никакого сомнения в том, что становление и развитие детской художественной литературы должно опираться на национальный детский фольклор, отразивший за века своего существования особенности психологии и вкуса детей.

Дети не так воспринимают художественный образ, как его воспринимают взрослые, их представления о мире не тождественны с представлениями взрослых.

Очевидно, детей интересует в обряде не его ритуальный смысл, а его игровой характер. Существовал целый ряд таких обрядов, в которых активное участие принимали и дети: обряды, связанные с культом солнца и различными явлениями природы сопровождались ритмичными и удивительно поэтичными стихами и песнями. После утраты своего культового значения взрослые охладевали к ним, а дети унаследовали их, проявляя к ним чисто эстетический интерес. Особенно активен этот процесс в наши дни. Абхазские дети с удовольствием поют и скандируют обрядовые песни и стихи, не зная их прямого назначения. К таким относится, например, обрядовая песня «Дзивава», связанная с молением о дожде. Для детей она интересна не только как песня, но и как игра. Они наряжают в платье кочергу или деревянный шест с поперечной перекладиной и ходят с этой куклой распевая:

Зиуоу, Зиуоу!	Дзиваву, Дзиваву!
	(обращение к богине вод)
Зарикуакуа маркылда.	Дзарикваква маркылда!
	(не переводится)
Ах иҧа дзышуеит,	Царевич жаждет воды,
Ҩ-ижəуам, з-ижəуам,	Не пьет ни вина, ни воды,
Абжь-куарак еимидоит,	Обыскивает все семь ручьев,
З—хат, з-хат[97]	Дай воды, дай воды!

[97] Абхазская народная поэзия, 1959, с. 286.

или

Ʒиуауа, Ʒиуауа!	Дзивава, дзивава!
	Дзариквaква маркылдыш!
Зар иқуа-қуа маркылдыш,	Дзар-иква-ква маркылдыш!
Ах иҧха азыша дақ'уеит,	
Зы—хуҷык, ʒы—хуҷык!	Царевна жаждет воды,
Хуҷык ала ҳалаʒом,	Немного воды, немного воды!
Аду азы хухәоит![98]	На немного не согласны,
	А на много — договоримся!

Эта обрядовая песня есть и у абазин. Пересказала нам ее 70-летняя Кмузова Л. М., и что интересно, она сообщила, что в пору ее детства они играли, напевая эту песенку. Так что, если 50—60 лет назад она уже бытовала в детском репертуаре, то теперь она уже, безусловно, перешла в абазинский детский фольклор.

Приведем абазинский вариант этой песни:

Дзиуара Дзиуара,	Дзивара, дзивара!
Дзымарк/ак/а—марк/ака!	(обращение к богине вод)
Ах/иҧха дзышеит!	Дзымаркава-маркака!
Уа дзыт/ак/у, куат/ак/у!	(не переводится)
	Царевна жаждет воды,
Адзыхьахьа азы кьуралан	О, немного воды, немного дождя!
Иамбар ихьа чаҧа-чапс[99]	(дальше текст трудно переводим)

§ 2. Песни-обращения

Очень интересны четверостишия и песни, обращенные детьми к различным животным и явлениям природы. Дети как никто другой способны поэтизировать все, что их окружает. Например, все дети любят весной и в начале лета в сумерках ловить светлячков. Эти светящиеся в темноте существа очень таинственны и привлекательны для них. Абхазские дети, гоняясь за ними, выкрикивали следующее четверостишие:

[98] Абхазская народная поэзия, 1959, с. 286.
[99] Пересказала Кмузова Л. М., 70 л., Сухуми, 10.II.72 г.

Ʒыркуи, ʒыркуи!	Светлячок, светлячок!
Уани уаби ашьха иḱоуп,	Твои отец и мать в горах,
Уаҳәшьазаҵәы алу дахоуп,	Твоя единственная сестра
Ʒыркуи, ʒыркуи!	Мелет ручной мельницей,
	Светлячок, светлячок!

Причем они уверены были, что светлячки останавливались и прислушивались к их сообщению.

В селе Ачандара нам удалось записать другой вариант этой песни:

Арҵу, арҵу, арҵу!	Кузнечик, кузнечик, кузнечик! (в первом варианте светлячок)
Уани уаби ашьха иḱоуп,	Отец и мать твои в горах,
Уаҳәшьа заҵәы алу дахоуп,	Единственная сестра твоя на мельнице,
Ула заҵә ḱоу-ḱоууа амʒырха иқухеит![100]	Твоя единственная собака в одиночестве
	Воет во дворе!

Обращение к кузнечику есть и в следующем стихотворении, связанное с детским поверием в то, что если что-либо потеряешь, нужно поймать кузнечика, завернуть его во что-нибудь и произнести:

Арҵу, арҵу, арҵу!	Кузнечик, кузнечик, кузнечик!
Уаби уани ашьха иḱоуп,	Твои отец и мать в горах
Уашьа заҵәы аʒы дагеит,	Твоего единственного брата унесла вода
Уаҳәшьа заҵәы дҵәыуо Ашәхамс дыкутәоуп[101]	Твоя единственная сестра плачет,
	сидя на пороге.

Считалось, что после этого потеря должна найтись.

Интересно, что в этих песнях-обращениях разных народов много общего. Их цель разжалобить, разгневать или задобрить.

Например, чтобы заставить божью коровку взлететь, русские дети поют:

Божья коровка,
Полети на небо,

[100] Записано со слов М. Микая. Сухуми, 15.II.72 г.
[101] Записано со слов Д. С. Хагба, село Ачандара, 18.VII.73 г.
[102] Записано со слов Агрба Ж. Ш., 66 лет, с. Куланурхва, 20.VIII.77 г.

Там твои детки
кушают котлетки,
Всем собакам раздают,
А тебе не дают!

Как известно, в народе к внезапному крику петуха относятся отрицательно, т. к. считается, что это не к добру. Поэтому абхазы, стараясь задобрить петуха, обращаются к нему так:

Кры-кы-ка-коу!
Арбаҧь аҧшь, аика аҧшь,
Ашырҙи ахуҙи
Еилаҧсаны иуҷасҵоит
Абзиа уҳәозар,
са сахь уҷы рха,
уҷыр рха,
Аџәгьа уҳәозар,
Абнашка уҷы рха![103]

Кукареку, петушок,
Красный гребешок.
Я тебе дам пшено с просом,
Если ты предвестник добра.
Если ты кричишь к добру,
повернись ко мне.

Если же твой крик к несчастью,
Отвернись к лесу!

Это обращение можно отнести и к лирике поверий.

Г. Виноградов, например, писал: «Среди произведений песенного творчества, связанного с детскими забавами, должен привлекать к себе внимание собирателей интересный отдел песен-обращений, не без основания некоторыми исследователями сближаемый с заклинаниями. Этот отдел представляет большую ценность для этнографов»[104].

Этнографы-путешественники у многих народов отмечают особый вид игр с животными и насекомыми. Произнося определенные слова, напевая известные песни, дети будто бы заставляют насекомых или животных исполнять те или иные действия. Например, у одного туземного племени Юго-Восточной Африки девочки, увидев греющуюся ящерицу, становятся перед нею и, хлопая в ладоши, поют: «Большая ящерица, закинь назад голову!»[105]. Ящерица, как уверяют туземцы, качает головою все время, пока перед нею бьют в ладоши.

---

103 Записано со слов Малыцы Мукба, 90 лет, с. Лыхны Гудаутского района, 29.VIII.72 г.
104 Г. Виноградов. Детский фольклор и быт, с. 26—27.
105 В. Харузина. Игрушки у малокультурных народов. В сб. статей «Игрушка, ее история и значение», М., 1912, с. 90.

Чтобы улитка высунула рожки, на юге России мальчуганы поют:

Лаврик, Павлик,
Высунь рожки,
На четыре стожки.

Есть песенные обращения к летающему коршуну или ястребу:

Коршун, коршун, колесом.
Твои дети за лесом,
Курицы в амбаре,
Петух на базаре[106].

Подобное обращение, но уже к дрозду, есть и в абхазском детском фольклоре:

Леонтина, Леонтина,
Ихыи ихшареи
Џоу маҭәала еилаҳәоуп,
Зыззыҭ — зыззыҭ џәыррыит![107]

К этой же группе детского фольклора Г. Виноградов относит и песни-заговоры типа:

Дождик, дождик
припусти... и т. д.

или:

Солнышко, солнышко,
выгляни в окошко... и т. д.

Подобными песнями-заговорами богат и грузинский детский фольклор:

მზეო, მზეო, გამოდი,
ჩვენს ერდოში ჩამოდი,
მიანათე ბაკებსა
ცხვარს დაგიკლავ მაკებსა![108]

Солнышко, солнышко, взойди,
Сойди на нашу кровлю,
Освети двор,
А я тебе зарежу овцу суягную.

или:

თოვს, თოვს, ხოშკაკლავს,
დედაბერი ხბოს დაკლავს![109]

Снег идет, град идет,
Старушка зарежет телка и т. д.

---

106 Г. Виноградов. Деткий фольклор и быт, с. 27.
107 Абхазская народная поэзия. Сухуми, 1972, с. 93.
108 К. Сихарулидзе. Указ. раб., с. 49.
109 Там же.

Абхазские дети поют подобную же песенку, когда идет снег, и солнце немного проглядывает сквозь тучи:

Асы уеит, акуа уеит,	Снег идет, дождь идет,
амра ҧхоит,	солнце греет,
Абгаду ҧхәыс аанагоит,	Волк женится,
Абгахучы кылыҧшуеит!	А лиса подглядывает!

В черкесском детском фольклоре также очень много таких песен-заговоров. Например:

Дыгъэ, дыгъэ,	Солнце, солнце,
Къепс, къепс	свети, свети!
Дыгъа йанэрпсыхьэ кIуэ,	Мать солнца ушла за водой,
КъакIуэжьыхьу сабийр	Пока она вернется, ребенок
магь![110]	плачет!

С этим четверостишием дети обращались к солнцу во время купания на речке. Обращались к нему тогда, когда оно заходило за облако.

Чирикание ласточек в народе истолковывают по-своему, и абхазские дети обращаются к ним с этими словами:

	что значит:
Ҷыжьжьит, ҷыжьжьит,	Чижжит, чижжит
	(звукоподражание)
Сара иахьа жәантә крысфоит,	Я ем в день десять раз,
Схаҵа зныk ауп акранифоу,	Мой муж же ест только
	один раз,
Амц сҳәозар ашьа сҿыжжит[111]	Если я лгу, пусть мой рот
	зальет кровью.

(«Зальет кровью рот» по-абхазски звучит как звукоподражание).

Иногда эти песенки входят в состав коротеньких посказулек о животных.

Ҵәаҵәа дышнеиуаз, аҵыс амаху иқутәан ашәа шаҳәоз иаҳаит. Схы ҭнаҟьеит ари аҵыс, изырпарпаруазеи иҳәан, аҵыс дааашьҭагьежынжьы икит, ахуцқуа зегьы аатцыхны ицәҳәынтапсҙа иоуишьҭит. Аха ҧыҭк анҵы, аҵыс аху ҿыц ааит, ашәагьы иаҳәац аҳәара иалагеит. Ҵаҵәа дыҧсын дыржит инышәынҭра иахагылаз аҵла амаху иқутәаны аҵыс абас ашәа аҳәон:

Ҵәит, ҵәит, ҵәит
Ҵәаҵәа ҵәит.
Ҵәаҵәа дыҧсын,
Дыҿамгылеит.
Хужә ирҧыҧын
Хуҿа ааит![112]

Перевод:

Цвацва шел как-то по лесу, слышит поет, заливается какая-то птичка. Надоело ему ее пение. «И чего она разболталась!» — подумал Цвацва, изловчился, поймал, общипал ее всю и выпустил.

Через некоторое время птичка обросла пухом, и снова запела свои песни. Цвацва же умер, и его похоронили.

Усевшись на ветке дерева, над его могилой, птичка спела такую песню:

Цвит, цвит, цвит (звукоподражание)
Цвацва, цвит!
Цвацва умер
И больше не встал.
Он старый пух общипал,
Зато новый вырос.

§ 3. Лирика поверий

Весьма интересным разделом детского фольклора является лирика, вызванная к жизни различными повериями воспитателей. Корни этих поверий уходят далеко в глубь веков и тесно связаны с магией. С течением времени они утратили свое магическое значение, и, у разных народов приобрели полушуточный, полусерьезный характер.

Этот вид детского фольклора Г. Виноградов называет заговорами: «Сюда надо отнести, — пишет он, — заговоры-шутки, употребляемые в целях успокоения ре-

[110] Записано со слов З. А. Кмузовой, 62 года, Сухуми. 10.X.72 г.
[111] Записано со слов Д. С. Хагба, с. Ачандара, 18.VII.73 г.

[112] Абхазская народная поэзия. 1972, с. 141.

бенка, выведенного из благодушного состояния ушибом или другим незначительным обстоятельством:

У сороки боли,
У вороны боли,
У Фенечки заживи.[113]

Заговоры-шутки распространены у многих народов. Например, у семилетних детей выпадающие молочные зубы не просто выбрасывают, с этим событием связан целый ритуал, в основном сходный у разных народов.

У бзыбских абхазов выпадавший зуб закладывали в щель за дверь или на пороге, или в уголке вместе с угольком или солью и приговаривали:

Арцу, арцу!	Кузнечик, кузнечик, на тебе старый,
Ажә устоит аҷа сыт[114]	дай мне новый!

Абжуйцы приговаривают немного по-другому и забрасывают молочный зуб на чердак или на крышу:

Аҳәынаҧ, аҳәынаҧ! Ажә устоит, аҷа сыт![115]	Мышка, мышка! На тебе старый, дай мне новый!

Черкесы в подобных случаях старый зуб вместе с солью и древесным угольком забрасывают на чердак со словами:

Қхъуеим егъажь,	От сыра стареет, (зуб имеется в виду)
Лыжым уеищIыкI	От старого (копченого) мяса ломается.
Иа, алыхь, фIыкIэ КъэгъэкIыжь![116]	Дай бог, чтобы на здоровье вырос!

Грузины в аналогичных случаях приговаривают:

თაგვო, ჩემი კბილი შენ, შენი კბილი მე![117]	Мышка, мышка, мой зуб тебе, а твой мне!

С этими словами забрасывают зуб в место, где предполагают мышиную норку (на чердак, за печку, в подпол).

Если у ребенка вскакивает ячмень, абхазы говорили:

Куртцыкь, куртцыкь!	Ячмень, ячмень!
Цәашьа шьапы сынкылҧшын	Если тебе расти,
Куртцыкь збеит.	то с амбарный столб,
Удухозар, аца шьапы уаҟараха,	если же нет,
Ухучхозар, уа уалаҧс![118]	то сгинь совсем!

После этого прикладывали к глазу теплую мамалыгу, завернутую во что-нибудь. Когда мамалыга остывала, отдавали ее собаке, и считалось, что ячмень переходил к ней. Средство это оказывалось верным, так как теплая мамалыга играла, очевидно, роль согревающего компресса.

А вот еще вариант заговора ячменя.

Щепотку соли и кусочек нитки закапывают у амбарного столба (и опять амбарный столб), при этом приговаривают:

Кукма-кукма,
Багма-багма,
Аларкук![119]

Пусть сгниет, как это гниет, пусть растает, как это тает (т. е. пусть ячмень сгниет, как гниет нитка, пусть растает, как тает соль).

Русские в подобных случаях приговаривали:

Ячмень, ячмень,
На тебе кукиш!
Чего хочешь—купишь.
Купи себе топорик,

---

113 Г. Виноградов. Народная педагогика, с. 16.
114 Записано со слов Ж. Ш. Агрба, 61 год, с. Куланурхва Гудаутского района, 10.VIII.71 г.
115 Записано со слов Чакватадзе Лолии, 66 л., Очамчирский район, с. Киндги, 10.VII.73 г.
116 Записано со слов З. А. Кмузовой, Сухуми, 18.VII.73 г.
117 К. Сихарулидзе. Указ. раб., с. 228.
118 Записано со слов Ардзении Агрба (дев. фам. Цымцба), 65 лет, с. Куланурхва Гудаутского района, 28.VIII.72 г.
119 Записано со слов Г. М. Черкезия, 86 лет, село Звандрипш Гудаутского р-на, 17.VII.73 г.

Сруби себе головку —
Как маковку[120].

У абхазов есть еще несколько вариантов этого заговора: кто-нибудь из взрослых брался за ячмень и слегка массируя его, приговаривал: «Аҕьыч дыскит, аҕьыч дыскит!» (вора поймал(а), вора поймал(а)!).

И еще, в этих же случаях какая-нибудь «чистая женщина» (т. е. женщина в возрасте), проведя ладонь по нижней части подола, касается этой же рукой ячменя.

Это действие не сохранилось, разумеется, в первоначальном виде, остался лишь символ его.

Далее. При появлении ячменя наперсток нагревался трением о доску и прикладывался к больному месту, причем действие это повторялось трижды.

Когда же у ребенка на языке вскакивает прыщик, между ним и кем-нибудь из взрослых трижды повторяется такой диалог: ребенок — «Сыбз ак алцит» **«У меня на языке что-то вскочило!»**), взрослый —«Снаргуц ак алцит» («У меня на ладони что-то вскочило!»). После чего считается, что прыщ с языка переходит на ладонь взрослого.

В случае, если в глаз ребенка попадала соринка, взрослые двумя пальцами приподнимали верхнее веко и натягивали его на нижнее, и слегка пошлепывая ребенка по спине, приговаривали:

Қашə — қача,
Қашə — қача,
Қашə — қача![121]

Выпади, выпади, выпади!

или:

Қаршə — каршə,
Қача — қача,
Таата дхууп![122]

Выпади, выпади, таата* в глазу!»

В умелых руках это приносило облегчение, т. к. соринка удалялась натянутым веком.

---

120 П. В. Шейн. Указ. раб., с. 23.
121 Записано со слов Ардзении Агрба, с. Куланурхва Гудаутского района, 28.VII.72 г.
122 Записано со слов Д. С. Хагба, 100 лет, 18.VII.73 г.
* Таата — на детском языке означает что-то хорошее.

Грузины в этих случаях тремя пальцами три раза касались глаза и три раза приговаривали:

ივანესას მივდიოდი,
თვალში რალაც ჩემივარდა,
ამოვიხვი სამი თითი,
მაშინათვე ამოვარდა![123]

Шел (шла) я к Ивану
И что-то попало мне в глаз,
Я провел (провела) тремя пальцами
И оно выпало.

Чтобы у девочки лучше росли волосы, мать, причесывая ее, тянула слегка за косу и приговаривала: «Ае абра еиҧш удуха, ахцəы зардагь.»[124]

Вырасти, как конская грива, коса!

У абжуйцев в этих случаях приговаривают несколько по-иному:

Соура-сытбаара,
Бедиа реы шьахага[125]

Мой рост, моя толщина, чтобы можно было стреножить бедийских коней!

То есть, пусть коса вырастает в мой рост и в мою толщину, чтобы ею можно было стреножить бедийских (с. Бедиа, Очамчирского района) коней.

В селах Гудаутского района удалось записать еще два варианта этой приговорки:

Соура сытбара
Амшын еиҧш
Ушəкурҧо укалаайт![126]

**Моя длина, моя толщина,
Стань, как волнующееся море!**

Соура уоурахаайт,
Сышəпара ушəпарахаайт![127]

Вырасти с мою длину и с мою толщину.

---

123 К. А. Сихарулидзе. Указ. раб., с. 227.
124 Записано со слов Ичи Гумба, Гудаута, 70 лет, 10.V.70 г.
125 Записано со слов Л. Чакватадзе, 66 лет, с. Киндги Очамчирского района, 10.VII.73 г.
126 Записано со слов Атьи Есламовны Гицба, 100 лет, с. Звандрипш Гудаутского района, 17.VII.73 г.
127 Записано со слов Д. С. Хагба, с. Ачандара, 100 лет, 18.VII.73 г.

У русских приговорка, связанная с косой, выливается в более объемную поэтическую форму:

Ты расти, моя коса,
Расти из корня.
Приезжал ко мне, жених,
Из города....
Он посватался
Да спрятался,
Записку написал
Да под печку убежал...[128]

Она носит несколько шуточный характер, т. к. женитьба маленькой девочке можно прочить лишь в шутку, причем такого, который может убежать под печку.

Нужно отметить, что чем больше эти заговоры отрываются от своей магической основы, тем отчетливее приобретают юмористический оттенок. Русские заговоры, например, уже очень далеки от магии и носят шуточный характер, поэтому-то Г. Виноградов и называет их заговорами-шутками.

Интересно наблюдать, как в заговор против ячменя, отличающийся, как все прочие заговоры устойчивостью формулировок, начинают вкрадываться слова юмористического содержания, характерные для детских потешек и прибауток:

Алиса-Самиса	Алиса—Самиса (не переводится)
Аланышь Ачичба	Аланышь Чичба (Чичба — фамилия),
Иашьа цыркьы Цабалиса	Его брат хромой Цабалиса (имя)
Чф—ф—ф—ы![129]	

От заговора в нем осталась лишь концовка, говорящая о том, что заговаривающий в конце заговора дул на

128 Г. Виноградов. Народная педагогика, с. 20.
129 Записано со слов В. Авидзба, 40 лет, Верхняя Эшера, 12.VII.77 г.

больное место, (отсюда, абхазское название заговора «атәҳәа» от «аҭәҳәа» — «дуть»). Информатор проговорил ее монотонно, без каких-либо пауз (за исключением концовки, которая была произнесена энергичнее).

Кроме того, в качестве заговора против ячменя стала употребляться потешка с перечислением названий пальцев. Приложив к ячменю безымянный палец, перечисляются остальные: нацәкьыс (мизинец), губжьынацәа (средний), хыснацә (указательный — дословно — палец, которым стреляют)[130].

Иногда указательный палец вместо «хынацә» — палец, которым стреляют, называют «ахҭацалага»[131], т. е. палец, которым заталкивают пулю. Эти два названия указательного пальца несут на себе отпечаток древности и говорят нам о том времени, когда охота играла решающую роль в жизни человеческого общества. В данное время указательный палец так не называется. Эти названия сохранили для нас заговоры-шутки.

К. Сихарулидзе считает заговоры-шутки непосредственной принадлежностью детского фольклора и утверждает, что они некогда носили магический характер и связаны были с магической поэзией. Теперь они утратили, разумеется, магическое содержание и несут на себе функцию успокаивания, отвлечения детей от боли. Кто имел дело с детьми, знает, что стоит подуть или потереть ушибленное место, как ребенок успокаивается, тем более, что действие сопровождается еще и поэтическим словом. Например, если во время еды ребенка пища попадет нечаянно в дыхательное горло и он закашляет, абхазы отвлекают его. Внезапно показав на потолок и разыгрывая удивление, говорят:

Уԥшишь, уԥшишь, Уанхуа (уабхуа) хыхь дыкуҭәоуп!	Смотри, смотри, твоя свекровь наверху сидит!

Ребенок внезапно отвлекается от кашля и смотрит наверх. Очевидно, играет свою роль и движение головы ребенка.

130 Записано со слов Ардашина Кадыровича Авидзба, 60 лет, Верхняя Эшера, 12.VII.77 г.
131 Записано со слов Атьи Есламовны Гицба, 100 лет, с. Звандрипш Гудаутского района, 17.VII.73 г.

Если внимательно присмотреться ко всем этим заговорам и приговоркам, то становится очевидным, что в основе их лежит все-таки какая-то утилитарность, которая приносила практический результат: натягивание одного века на другое, что снимало соринку, прикладывание теплой мамалыги на ячмень (согр. компресс), массажирование ячменя во время приговорки и т. д. и т. п.

Если практическое действие снимало причину болезни, то сами заговоры имели психологическое воздействие: они облегчали боль во время той или иной операции, отвлекали от нее.

Таким образом, в основе вышеприведенной магии лежит сугубо практический фундамент, выработанный многовековым опытом поколений. Однако теперь уже не всегда магическая поэзия сопровождается действием и поэтому иногда невозможно установить, какое действие лежало в основе того или иного заговора.

К примеру: в основе всех заговоров против болезней лежит применение лекарств (настойки различных трав, мази, притирания, массаж, различные компрессы и т. д. и т. п.), лечебная ценность которых была проверена практикой многих поколений человеческого общества. Несомненным доказательством этого является то обстоятельство, что никто иной, а именно знахарки и лица, считавшиеся в народе «ведьмами», «колдунами» и «колдуньями», занимались сбором лекарственных трав. Они, параллельно с нашептыванием и заговорами, и применяли эти лечебные средства (явление берется в чистом, первоначальном виде и, ни в коем случае его нельзя смешивать с шарлатанством).

В настоящее время из абхазской магической поэзии можно привести массу заговоров, теперь уже ни в коей мере не связанных с практическим лечением. Например, заговоры против сглаза, против укуса змеи, против сибирской язвы и т. д. Однако нельзя не отметить, что в абхазской народной медицине сохранились лекарственные средства против многих вышеназванных и других недугов, но они существуют сами по себе. Трудно сказать, когда они отошли друг от друга, но факт остается фактом, что многие виды как чисто магической поэзии, так и заговоров-шуток из детского фольклора дошли до нас в «чистом виде».

Многие действия, сопровождающие заговоры, казалось бы, не несут на себе никакой утилитарности. Между тем, как это уже подчеркивалось выше, в основе их лежит целесообразность, иначе они не передавались бы веками из поколения в поколение. Действие утверждалось лишь в том случае, если следствием его была непосредственная практическая польза.

ГЛАВА IV

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ АБХАЗСКОГО ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Поэтика детских народных произведений находится в прямом соответствии с детской психикой, тесно связана с органическими запросами и вкусами детей.

Даже при беглом рассмотрении отдельных жанров детского фольклора на передний план выступает их игровой характер, так как в сущности почти всякая деятельность детей выливается в форму игры. Давно известно, что игра для ребенка необходимое средство познания мира.

Дети играют с пеленок. Вначале с ними играют взрослые. В сущности колыбельные песни, потешки, пестушки забавки представляют собой самое первое обращение к сознанию ребенка, самое первое лицедействие взрослого перед ним. Образцы материнской поэзии — игры с пальцами, пестушки, потешки построены так, что они представляют собой миниатюрнейший сценарий для одного актера и одного зрителя. Причем, в этой игре ребенок не просто зритель, а активный ее участник и чем выразительнее игра актера, тем активнее участие зрителя в этой игре.

Сюжет здесь не имеет самостоятельного значения, он тесно связан с игрой. Даже колыбельные песни, которые, казалось бы, не только не преследуют активности ребенка, а наоборот призваны успокоить, усыпить, связаны с определенным действием — укачиванием. Уже в размер колебания люльки укладывается содержание колыбельной песни. Но особенно ярко прослеживается связь сюжета с действием в играх с пальцами. Это в сущности игры, игры старших с детьми. Для игры «Ци-ци, ква-ва» руки ребенка и взрослого составляются в цепь. Для игры «Мышонок» взрослый берет в свою руку ладонь ребенка, которая является миниатюрной сценой, где и протекает все действие игры, а пальцы ребенка являются действующими лицами.

Потешки и пестушки, хотя и имеют более самостоятельное значение (их можно декламировать и вне игры), связаны с подбрасыванием на коленях, с дотрагиванием к различным частям тела, с мимикой и интонацией играющего с ребенком. То есть, и они тесно связаны с актерской игрой.

Игровой характер забав, предназначенных для более старших детей, подчеркивается вопросно-ответной формой:

— Иа-уи-уи-уи!
— Иа-у-ууй-уй!
(возглас при зове)

— Икалазеи?
— Что случилось?

— Ҽкуара ҽык ршьит!
— На лошадином ручье лошадь зарезали.

— Изшьыда?
— Кто зарезал?

— Омар иоуп!
— Омар.

и т. д.

Вопросно-ответная форма привлекательна для детей тем, что она разворачивает перед детьми целую сцену, с участием двух или нескольких действующих лиц. Речь каждого подчеркивается особой интонацией. Словом для рассказчика-актера открывается широкое поле деятельности.

К какому бы жанру детского фольклора мы бы не обратились — центральное место в них занимает игра. Если в материнской поэзии игра носит сценический характер, где взрослый актер, а ребенок активный зритель, а в забавах, считалках, играх с различными предметами дети сами являются и рассказчиками и актерами, то в скороговорках и небылицах дети играют словами:

Сшәаҟь агуцә азы сыцәтатәцәеит.
(В ствол моего ружья налилось слишком много воды)

Дети играют не только словами, но и логическими несообразностями. Поэтому их так привлекают небылицы, где герой родится раньше своего родного отца и весело пирует на его свадьбе, где в летнюю жару замерза-

ет лед, который разбивается героем колотушкой, сделанной из собственной головы.

Исследователи детского фольклора показали, что в основе почти всех жанров детского фольклора — пестушек, потешек, прибауток, дразнилок, поддевок, считалок, скороговорок, загадок, небылиц — лежит прежде всего юмор.

Цель первых же игровых стихов абхазского детского фольклора — рассмешить, развеселить, поднять тонус. Характерно, что в конце почти всех игр с пальцами ребенка щекочут: «мышка ела, ела (все, что лежало на ладони), потом влезла в рукав, по рукаву добралась до шейки и...» (щекочут ребенка).

Но смех понятие сложное, он содержит массу тончайших оттенков. Если цель материнской поэзии поначалу просто позабавить ребенка, рассмешить, то со временем, с ростом ребенка, детским фольклором осуществляются более сложные задачи: он учит детей разбираться во всех тонкостях смеха и ведет его за руку, от добродушного веселого смеха в материнской поэзии до более тонкого смеха над логическими несообразностями в небылицах и от них до сатирического смеха в сказках, в дразнилках и поддевках.

Потребность в смехе у детей огромна, отсюда и вытекает юмористическое содержание почти всего развлекательного репертуара абхазского детского фольклора.

Папы—хаҭа	Поп — мужчина,
Пскьакьа,	окоченевший мертвец,
Ҵәыхакьакьа	встал на кол
Дыкугыланы дыхәхәеит...	и закричал...

Это наблюдается в потешках, пестушках, считалках:

Ҷынҷа хуҷы хык лашьҭын,	Маленький Чинча выпустил
Барза-барза лнарҳәеит,	пулю, она попала в девушку
Баз-ҧҳа илаахеит,	по фамилии Базба, это
Барза-каба лнарӡахит!	заставило ее сказать барза-барза, заставило сшить барза платье (бессмыслица).

Считалка:

Куараҕ—чараҕ	Кварaг-чараг (звукоподражание)

Чарубет,	Чарубет, (бессмыслица)
Ҳаир ҧара	Деньги воздух (?)
Чара имоуп.	Свадьба
Ашәха Никуа	У Ашхва Никвы (имя и фамилия)
Ҧынҭа куара.	Нос — ручей.
Иабҵьар ҧымкьеит	Не выстрелило ружье у Биджар Квасты.
Биҵьар Куаста. Вира!	Вира! (имя и фамилия)

Юмор, остроумие всегда чрезвычайно высоко ценились в народе. Характерно, что в абхазском народе человека без юмора считают глуповатым и подшучивают над ним. Воспитание чувства юмора в детях это и воспитание в них оптимизма, жизнеутверждающих начал в их характерах.

Огромную роль в привитии детям чувства юмора играют небылицы, которые своим нарушением реально существующих связей не только тренируют их логику, но и учат разбираться в различных ньюансах смеха.

В небылице «Табун» герой в летнюю жару разбивает на реке лед колотушкой, сделанной из собственной головы. Затем он же, забыв свою голову на льду, едет мимо девушек, красуясь на коне.

Подобная нелогичность вызывает у детей смех, т. к. они уже твердо знают, как должно быть на самом деле. Из своих личных наблюдений они знают, что запрягают обычно коней, быков, буйволов, но никак не стрекоз и гусей. Тем не менее, чем нелепее события в небылицах, тем больший интерес вызывают они у детей и тем громче смеются они над неестественным положением героев.

В детских сказках смех достигает уже сатирического звучания. Вместе с юмористическими ситуациями, даются и сатирические образы отдельных зверей: жадного, но глупого волка, жадной и хитрой лисы, сильного, но трусливого медведя. Дети смеются, когда в сказке «Лисица и воробей» маленькая птичка сумела перехитрить лисицу. Но смех этот уже звучит иначе, осуждающе. Смех этот как бы выносит приговор жадности, хитрости и коварству.

Юмор и сатира занимают центральное место в быту детей. Дети в своих словесных битвах, в дразнилках, поддевках, задачах тренируют свое остроумие, безжа-

лостно высмеивают глупость, ротозейство, ябедничество и другие отрицательные черты своих товарищей.

Словарный состав абхазского детского фольклора очень своеобразен. Ребенку нужно, чтобы в слове был дан живой, осязаемый образ. Игровое слово украшение любой детской забавы. Оно отличается лепкой запоминающихся образов, чаще всего странно связанных (на наш взгляд) между собой:

Уарма атцыс ыкутәоуп,	На твоей левой (руке) сидит птица.
Уарҕьа ахәыхә ыкутәоуп,	На твоей правой (руке) сидит голубь.
Уан лакьыта	
Цәымҕа лакьы-лакьыта,	Твоя мать лакита (бессмыслица).
Ҭарбзан хуарашьа	Свечка лакьы-лакьы (бессмыслица).

Абхазский детский фольклор, как и детский фольклор любого народа, характерен своей заумностью. Но эти странные на наш взгляд словообразы никак не мешают ребенку воспринимать стихотворение в целом. Этому способствует в первую очередь их музыкальность. Музыкальность достигается четким размеренным ритмом, звуковыми эффектами, такими запечетлевающими повторами как лаквы-лакьыа, звонкими словосочетаниями «Тарбзан хуарашьа» и т. д.

Игровые стихи для самых маленьких сопровождаются определенными движениями взрослых: подбрасыванием, щекотанием и игрой с пальцами, дотрагиванием к носику, голове, ножкам ребенка. Большую роль играет и соответствующая интонация, усиление голоса и т. д. В таком сочетании эти, казалось бы, бессмысленные словообразы преисполняются для детей самого выразительного смысла и достигают желаемой цели, т. е. как нельзя лучше развлекают ребенка.

Язык этих произведений отличается и тем, что в потешках, пестушках, забавках встречаются слова из детского языка: «куакуа»[132] детское название руки («Ци-ци, куа-куа»). Интересно, что абазинский вариант этой потешки тоже содержит в себе детское название руки на

[132] Записано со слов М. К. Хашба, 73 года, г. Очамчира, 12.VIII.74 г.

абазинском языке: «Іэба»[133] детское название руки («Іэба цІу-цІу-цІу») «Иаила» — число восемь на детском языке. «Иаила кьараху таалым ҟарҭоит» — восемь всадников упражняются в конных играх).

В силу конкретности своего мышления, для ребенка очень важно, чтобы образ был дан как можно ощутимее: в движении, в звуке, в «осязании» и даже в «обонянии». Например, для передачи характера медвежьей пляски народ использует такие звуковые эффекты, как:

Иаирума шугьарума,
Иарма-ныҟуа ҟуарҽарума
Ааи-мана ҟуарҽарума,
Чаарымкыра ҟуарҽарума,
Шьапатума ҟуарҽарума
Уҧа-сыҧа! Ҧаҟь-саҟь!

Здесь и подражание медвежьему урчанию, и зрительный образ мешковатой медвежьей походки, и юмористическое изображение неуклюжих медвежьих прыжков.

Все эти игровые обращения к ребенку даны в абхазском детском фольклоре в основном (кроме небылиц и сказок) в стихотворной форме выделяются четкой рифмой, напевностью и за малым исключением отличаются хореическим стихосложением.

Кьауа—кьауа,
Кьазандара,
Ҕурмат—ҕурмат
Шьамаҟара.
Иауанада, иабҕарада
Кьауакьаса!

или:

Ҭи-ҭи-, куа-куа,
Махари ҵьаҵьа...

или вот песни-обращения:

Арҭу, арҭу!
Уани уаби ашьха иҟоуп...

игра в нож:

Са исхәаргьы — жәоху,
Уа иухәаргьы—жәоху...

[133] Записано со слов Л. М. Кмузовой, 70 лет, Сухуми, 20.VIII.76 г.

Плясовая для совсем маленьких:

Дыкушьа, дыкушьа,
Таатаны дыкушьа,
Тыкутыкуны дыкушьа...

К. И. Чуковский пишет: «Сколько бы ни довелось мне слышать подобных стишков — во всех один и тот же ритм: хорей. Может быть, потому, что дети всего мира прыгают и пляшут хореем; может быть потому, что хорей есть самый моторный ритм словно созданный для радостных выкриков; может быть потому, что еще грудным бессловесным младенцем все матери внушают этот ритм, когда качают и подбрасывают их, когда хлопают перед ними в ладони и даже тогда, когда баюкают их (так как «баю баюшки баю» есть чистейший хорей)[134].

Одной из самых характерных особенностей абхазского детского фольклора является динамичность. Эта особенность так же вытекает из самой природы ребенка. Характерно, что писатели, следовавшие лучшим фольклорным традициям, верны этому принципу и их произведения находят горячий отклик у юного читателя. К. И. Чуковский в своей книге «Маленькие дети» пишет: «Качество предметов никогда не интересует ребенка: его интересует действие. Поучителен в этом отношении Пушкин: в своем «Салтане» он на 740 глаголов дал только 235 прилагательных, между тем как в его «Полтаве» (в первой песне) число глаголов даже меньше числа прилагательных: 279 глаголов и 281 прилагательное»[135].

Образцы абхазского детского фольклора изобилуют также действием:

Лакыр Суман цыҕра	Лакырба Сумана вернули
Жьаҧшь Жьагуа дыргеит,	родителям,
ҧа гурҕьа иуит,	Жапш Жагва устроил пир
Иаилакьараху таилым	по поводу рождения сына,
ҟарҭоит,	Восемь всадников упражняются
Гумбы Кублыху аштаҭыхуан	в конных играх.
кашьмеи ҟаитҭоит.	

Как видим здесь в каждой строчке глагол.

---

[134] К. И. Чуковский. Указ. раб., с. 113.
[135] Там же, с. 151.

И к какому бы виду детского фольклора мы не обратились, везде кто-то бежит, летит, работает, скачет, играет, прыгает и т. д.

И это все потому, что и сам ребенок (здоровый конечно) сплошное движение.

Эта особенность характерна не только для детского стиха, но и для прозы. Возьмем ли мы сказку, небылицу везде изобилует действие, быстрая смена событий, т. к. ребенок не в состоянии сосредоточиваться долго на одной и той же картине.

Для детского фольклора характерна и графичность. Если детское стихотворение незаумно (т. е. не лишено смысла), то почти каждая строчка представляет собой законченную картину:

Уани уаби ашьха иҟоуп,	Отец и мать в горах
Уаҳәшьа заҭәы алу дахоуп,	Сестра мелет ручной мельницей
Ула заҭә ҟыу-ҟыуа амзырха икуп!	Собака во дворе воет в одиночке.

Три строчки и три картины. Или вот возьмем детскую забаву «На лошадином ручье»:

— Ҿкуара ҿык ршьит!	— На лошадином озере лошадь зарезали
— Изшьыда?	— Кто убил?
— Омар иоуп!	— Омар.
Ацәа хызхда?	— Кто освежевал?
— Апап иоуп!	— Поп.
— Изфада?	— Кто съел?
— Алаҳәоуп!	— Ворон.
	и т. д.

Даже для этого маленького отрывка нужны три картинки: «Омар убивает лошадь», «Поп свежует лошадь» и «Ворон клюет падаль». В этом то и секрет привлекательности детского фольклора для детей: все ясно, выпукло, динамично, смешно. Ребенок не только слышит тот или иной его образец, он его видит, осязает и даже обоняет, вместе с ним движется.

Для образцов детского фольклора характерна плавность речи, благозвучие. В них никогда не найдешь того зубодробильного скопления согласных, которым иногда

грешат стихи некоторых современных детских поэтов. Народные детские стихи отличаются простотой и благозвучностью:

Кьауа-кьауа
Кьазандара,
Бурмат-бурмат
Шьамакара!

(не переводится)

Даже эти заумные стихи звучат для детей куда приятнее, чем стихи отдельных поэтов, хотя они и преисполнены самого хорошего содержания.

Количество согласных в народных детских стихах лишь ненамного больше количества гласных. Поэтому их легко заучивать наизусть.

Рифмы в детских народных стихах стоят на самом близком расстоянии одна от другой:

Ата лбати,
Бата лбати,
Лбаа архан
Алтар илан.

Прозу в абхазском детском фольклоре представляют сказки и небылицы.

В абхазском сказочном репертуаре сказок о животных сравнительно немного. «Если в русском сказочном эпосе сказки о животных являются специфически детскими («ребячьими»), то в абхазском сказочном эпосе такие сказки могли иметь хождение и в среде взрослых»[136] — пишет исследователь абхазской народной сказки С. Л. Зухба. Однако и из абхазских сказок о животных можно выделить небольшую группу, которые можно назвать специфически детскими сказками. К ним мы относим сказки «Лиса и воробей», «Козленок, ягненок и теленок», «Две мыши», «Куриный желудок».

По своим художественным особенностям, по структуре, детские сказки о животных сравнительно несложны. В этих сказках сюжет отличается однолинейностью, количество действующих лиц обычно невелико.

---

[136] С. Л. Зухба. Абхазская народная сказка, Тбилиси, 1970, с. 62.

Возьмем, к примеру, сказку «Лисица и воробей»:

«Как-то раз лиса поймала воробья.

— Ты ведь забыла спеть охотничью песню. Мне-то все равно, погибать, а тебе в другой раз не будет удачи!

— Правду он говорит, — подумала лиса, подняла вверх морду и начала:

— Аа-а...

Но едва она успела открыть рот, воробей вспорхнул и уселся на дерево. Там он расправил измятые перышки, почистил клюв и, поглядывая на лису, стал прыгать с ветки на ветку.

— Чем дразнить меня, ты лучше посоветуй, где бы я могла поесть?

— Хорошо, следуй за мной, — ответил воробей и полетел». Воробей досыта кормит лису, затем смешит ее. Когда же лиса потребовала, чтобы он ее напугал, воробей приводит ее к охотничьим собакам, которые и разрывают ее.

Простота сюжета, лаконичность языка детских сказок делают их доступными для детей младшего возраста.

При своей простоте и лаконичности детские сказки отличаются эмоциональностью. Действующие лица — лиса, волк, медведь, воробей и т. д. говорят на человеческом языке. Характерная для детских сказок диалогическая форма подчеркивается рассказчиком свойственной для каждого действующего лица интонацией. Часто встречающиеся в них звукоподражания, подчеркивают те или иные характерные особенности персонажа сказки. Например, в сказке «Две мыши» домашняя мышь учит лесную, как обратиться к кошке:

— Укиичара, сикиичара, хума—сакигуу!

На что кошка отвечает:

— Гурмасти, сирмасти, махамадла мадлапсирири.

(не переводится)

В этом звукоподражании слышны нотки кошачьего мурлыканья, что очень забавляет детей.

В сказке «Куриный желудок» звукоподражательное слово «Куамачама» (куама-чама) образно передает кар-

тину заглатывания куриным желудком всех действующих лиц сказки.

Сюжет детских сказок отличается динамичностью. Быстрая смена событий привлекает, еще неустойчивое внимание ребенка. В сказке «Лисица и воробей» события разворачиваются очень быстро: Лиса ловит и тут же выпускает воробья, воробей летит, лиса бежит. Добежали до женщины, несущей на голове обед, а в руке кувшин с кислым молоком. Воробей притворяется калекой, отвлекает женщину от еды, поставленной ею на землю. Лиса наедается и т. д.

Так же быстро разворачиваются события и в сказке «Куриный желудок». Старуха режет курицу, мясо они съедают, а желудок старуха прячет на чердак, как лакомство для гостя. Приезжает гость, старуха лезет на чердак за желудком, но он глотает ее. Затем желудок глотает и старика и гостя. Затем желудок выкатился из дома и стал глотать всех встречных, при этом приговаривая:

«Старика и старуху куамачама, гостя куамачама, тебя тоже куамачама».

В соответствии с быстрой сменой событий детские сказки изобилуют динамическими глаголами: лиса **бежит**, дрозд **летит**, куриный желудок **катится, глотает**, теленок **падает** с дерева, звери разбегаются и т. д.

Детские сказки отличаются минимальным количеством персонажей.

В сказке «Две мыши» три действующих лица — домашняя мышь, полевая мышь и кошка. В сказке «Пеструшка и мышь» — два действующих лица, в сказке «Козленок, ягненок и теленок» — шесть.

Особую группу прозаических детских произведений составляют в абхазском детском фольклоре небылицы или, как их называет К. Чуковский, перевертыши. Однако отличие абхазских небылиц от русских в том, что русские перевертыши имеют в основном стихотворную форму, тогда как абхазские небылицы представляют собой прозаические произведения.

Особенностью этого вида детского фольклора является то, что в них нарушена обычная, естественная связь событий. В небылицах все делается наоборот: «По дороге одна кобылица ожеребилась. Я сел на нее верхом, а

жеребенка положил на шею матери, но она не смогла нас везти. **Тогда я сел на жеребенка**, взвалил **на его шею кобылицу, и мы** двинулись в путь» («Табун»). В этой же небылице в летнюю жару замерзает лед на реке. Герой, чтобы напоить лошадей, пробивает лед колотушкой, сделанной из собственной головы. Затем, он, забыв свою голову на льду, едет назад. «Проезжаю мимо одного дома, — говорится далее в сказке. — На балконе сидят три сестры... Старшая говорит:

— Уиан, (возглас удивления), какой красивый парень едет!

— Но ведь он без головы, — возразила средняя.

— Если бы у него была голова, я бы вышла за него замуж, — насмешливо сказала старшая.

— Как так — без головы?! — крикнул я, провел рукой по плечам и только тогда заметил, что головы-то у меня нет.

Повернул я обратно к морю. Подъезжаю к тому месту, где поил лошадей, смотрю: лежит моя голова по уши в проруби. Спрыгнул я с лошади, ухватился за уши, потянул изо всех сил, но голову вытащить не смог: она примерзла ко льду.

Тогда я обмотал голову цепью, впряг несколько пар буйволов и стал их понукать. Буйволы рванулись раз, другой, но голова не сдвинулась с места.

Вижу: над берегом летают два комара. Я поймал их, запряг вместо буйволов и погнал хворостиной. Комары взвились и так ловко потянули цепь, что затрещал лед, а моя голова очутилась на берегу. Я приладил голову куда следует, вскочил на жеребенка, подхватил кобылицу и помчался за табуном».

В этой небылице, как мы видим, всюду нарочитое отклонение от нормы.

Дети любят играть несообразностями, т. к. это тренирует их логику, как бы помогает им утвердиться в том реальном, которое они успели усвоить. Нужно отметить, что при всех этих буйных отклонениях от нормы, норма всегда ощущается ребенком.

К. Чуковский утверждает, что «эта тяга к нарушению установленного порядка вещей наблюдается не только в великорусском фольклоре, но и во всяком другом. В английском, например, тот же мотив о ездоке и коне варьируется множество раз:

Оседлаю моего петуха, взнуздаю мою курицу и отвезу мою маленькую даму домой»[137].

* * *

В абхазском детском фольклоре объединяются три разные по происхождению составные части:

произведения, созданные взрослыми в воспитательных целях (материнская поэзия), произведения, созданные самими детьми, т. е. собственно детский фольклор, и произведения, вошедшие в детский фольклор из фольклорного репертуара взрослых.

Абхазский детский фольклор развивался в непосредственной связи с народной педагогикой, а забота об умственном, нравственном и физическом воспитании подрастающего поколения искони была свойственна народу. Поэтому, говоря о детском фольклоре, нужно прежде всего иметь ввиду произведения устного народного творчества, специально предназначенные для детей, так называемую материнскую поэзию. Материнская поэзия представлена в абхазском детском фольклоре колыбельными песнями, потешками, пестушками, забавами, скороговорками, сказками и перевертышами.

Этот раздел детского фольклора особенно близок детям, т. к. здесь в центре творчества ребенок со всеми ярко выявленными интересами, вкусами и запросами.

Вторую часть представляет собой собственно детский фольклор, т. е. такие произведения, которые созданы самими детьми. Они возникли в играх, в быту детей. Такие произведения живут лишь в детской среде. Как известно, у детей приблизительно с 3—4-летнего возраста начинается творческий период. Специфику детского творчества составляет динамизм, краткость, графичность, повторы. В стихах важнее всего для ребенка ритм и рифма, поэтому большинство детских стихов отличается четким ритмом и совершеннейшей рифмой. Творчество детей отличается и той особенностью, что в нем изобилуют рифмованные бессмыслицы, зауми, как называл их Г. Виноградов. Часто маленьких детей увлекает не

[137] К. Чуковский. Указ. раб., с. 213.

столько содержание, сколько музыка стиха, его ритм, эффективные звукоподражания. Дети часто творят свои произведения по аналогии с традиционным фольклором, т. е. в традиционную форму вкладывают новое, современное содержание. Так создаются ими новые считалки, песни, стихи и т. д.

Бессмысленные сочетания в абхазском детском фольклоре особенно характерны для считалок. Считалки представляют в этом отношении интерес и для языковедов, т. к. в силу детской приверженности и рифмованной бессмыслице в них сохранились такие языковые окаменелости, которые дети многих поколений сумели пронести через века.

Особое место в детском творчестве занимает детская сатирическая лирика. Она охватывает дразнилки, издевки, подвохи, заманки.

Дразнилки представляют собой чаще всего четверостишия или двустишия, в которых высмеиваются детьми какие-нибудь недостатки: физические, нравственные.

Если в детском фольклоре многих народов существуют дразнилки с именем, то в абхазском детском фольклоре дразнилок с именем почти нет. Это объясняется некоторыми ограничениями в связи с произнесением того или иного имени у абхазов.

Особенностью дореволюционного детского фольклора абхазов (как, впрочем, и других народов) является несколько грубая форма выражений, грубоватый юмор. Особенно это характерно для детской сатиры.

Третья часть абхазского детского фольклора представляет собой произведения заимствованные детьми из взрослого фольклора. Эти произведения, потеряв серьезное значение в жизни взрослых людей, в силу своих тех или иных художественных особенностей привлекли внимание детей. Впоследствии такие произведения подвергались изменениям, утратив все, что было чуждо ребенку, не отвечало его интересам и не соответствовало его возрасту. Так, абхазским детским фольклором было многое заимствовано из обрядовой и магической поэзии. Это песни, игры, песни-обращения, заклички, заговоры-шутки.

Поэтика детских народных произведений находится в

прямом соответствии с детской психикой, тесно связана с органическими запросами и вкусами детей.

При рассмотрении отдельных жанров детского фольклора на передний план выступает их игровой характер. Образцы материнской поэзии — игры с пальцами, пестушки, забавы, как и почти все произведения детского фольклора, не имеют самостоятельного значения — они тесно связаны с определенными движениями, с игрой. Даже в скороговорках дети играют словами, а в небылицах логическими несообразностями.

Исследователи показали, что в основе почти всех жанров детского фольклора лежит юмор. Цель первых же игровых стихов абхазского детского фольклора — рассмешить, развеселить, поднять тонус. Произведения абхазского детского фольклора содержат в себе все оттенки смеха: от добродушного веселого смеха в материнской поэзии до более тонкого смеха над логическими несообразностями в небылицах и от них до сатирического смеха в сказках и дразнилках.

Некоторые образцы детского фольклора абхазов отличаются своей заумностью. Но это не мешает детям воспринимать их так же, как и преисполненные глубокого смысла произведения. Это объясняется музыкальностью и своеобразной выразительностью их формы.

Черты, свойственные собственно детскому фольклору, т. е. творчеству самих детей — динамизм, краткость, графичность, повторяемость, являются характерными для всего детского фольклора в целом, т. к. они вытекают из самой природы ребенка.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава I. Материнская поэзия 9
§ 1. Колыбельные песни 9
§ 2. Потешки, пестушки, приговорки, песенки и прибаутки 18
§ 3. Сказочки, небылицы, забавы, загадки скороговорки 35

Глава II. Творчество детей 50

Глава III. Произведения, заимствованные детьми из репертуара взрослых 66
§ 1. Обрядовая поэзия 66
§ 2. Песни-обращения 68
§ 3. Лирика поверий 73

Глава IV. Художественные особенности абхазского детского фольклора 82

Рима Арсен-иҧха Ахашба

АҦСУА ХУҬТӘЫ ФОЛЬКЛОР

Урысшәаала

რიმა არსენის ასული ხაშბა

ᲐᲤᲮᲐᲖᲣᲠᲘ ᲡᲐᲑᲐᲕᲨᲕᲝ ᲤᲝᲚᲙᲚᲝᲠᲘ

რუსულ ენაზე

Римма Арсеньевна Хашба

АБХАЗСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ИБ372

Редактор **Л. Е. Аргун**
Художник **П. Г. Цквитария**
Технический редактор **С. А. Гордезиани**
Корректоры **Ж. И. Гублиа, А. А. Мхитарян**
Выпускающий **Т. С. Ашхараа**

ЭИ0 416. Сдано в произв. 8.VI I 1980 г. Подп. к печ. 29.XII. 1980 г.
Тип. бумага № 3. ф 84x108¹/₃₂. Печ.лист. 5,25. Уч.-изд. л. 5,48.
Заказ № 9552. Тираж 800. Цена 15 к.

Издательство „Алашара", Сухуми, Ленина, 9.

**Сухумская типография № 7 им. Ленина Госкомитета Совета Министров Груз. ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
г. Сухуми, ул. Ленина, 6.**

Цена 15 коп.